

АРКАИМ: в поисках правды

Ф.Н. Петров

**ПОСЕЛЕНИЕ АРКАИМ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ**

**ДУБНЕНСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ
«НАСЛЕДИЕ»**

Ф.Н. Петров

**ПОСЕЛЕНИЕ АРКАИМ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ**

**Дубна
2009**

УДК 39 (470.5)
ББК 63.4
П 305

Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы / Приложение к альманаху «Дубненское наследие». Дубна, 2009. – 64 с.

Печатается по решению Президиума Дубненского общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие».

Приложение к альманаху **«Дубненское наследие»**

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС1-50717 от 8 декабря 2004 г.

Учредитель: Дубненский общественный фонд историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие».

Главный редактор: И.Б. Даченков.

Адрес редакции: 141980, г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри 17а

Тел. редакции: (496) 212-90-11. E-mail: fondnasledie@mail.ru.

Адрес сайта: www.nasledie.dubna.ru

© Петров Ф.Н., 2009
© Фонд «Наследие», 2009

*Александр Михайловичу Кисленко
– другу, соратнику и учителю*

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. К постановке проблемы	4
II. «Страна городов»: мифы и реальность	5
III. Аркаим: численность населения и длительность существования	7
IV. «Фортификация, достойная средневековых крепостей»	17
V. Сакральная геометрия Аркаима	22
VI. «Протогородская цивилизация» Зауральской степи	26
VII. Аркаим в системе палеоклиматических реконструкций	28
VIII. Поселения эпохи бронзы	30
IX. Дома эпохи бронзы	34
X. Оседлое скотоводство в Зауральской степи	35
XI. Человек и общество эпохи бронзы	41
XII. Ритуалы и символы эпохи бронзы	43
XIII. Исторические судьбы населения эпохи бронзы	52
XIV. Культурное пространство эпохи бронзы	54
Список источников и литературы	56
Summary	63

I. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Поселение Аркаим относится к числу памятников синташтинского типа эпохи средней бронзы, достаточно широко распространенных на территории Зауральской степи, и является наиболее известным памятником данного типа. Поселение было исследовано раскопками под общим руководством Г.Б. Здановича в 1987-1995 гг., на базе его исследований к настоящему времени создан крупный музейный комплекс, научная база и историко-культурный заповедник.

Историко-культурный заповедник областного значения «Аркаим» имеет кластерный характер и включает в свой состав девять поселений синташтинского типа и целый ряд территориально связанных с ними археологических памятников. Само поселение Аркаим в состав данного заповедника не входит и находится под охраной Ильменского государственного заповедника Уральского отделения Российской Академии наук.

В течение последних двадцати лет археологические исследования эпохи бронзы в Зауральской степи были сконцентрированы, в первую очередь, именно на синташтинских и близких им в культурном отношении петровских памятниках. Это связано как с новизной изучения данных объектов, так и с серьезными научными перспективами исследования поселений со сложными строительными конструкциями, и многопланово структурированных погребальных комплексов, насыщенных разнообразными артефактами.

При этом, к сожалению, произошел определенный перекокс в концентрации исследований – несколько более поздние и несравненно более многочисленные памятники позднего бронзового века, в первую очередь алакульские и срубно-алакульские, в значительной мере выпали из магистрального направления изучения эпохи бронзы. В определенной степени этому способствовала интерпретация синташтинского культурного феномена как протогородской цивилизации, одной из ключевых цивилизаций Евразии, развиваемая Г.Б. Здановичем и принятая государственными органами Челябинской области в качестве руководящей концепции при определении приоритетов в развитии археологических исследований [79].

В настоящей работе мы рассмотрим ряд ключевых вопросов научной интерпретации Аркаима и других археологических памятников синташтинского типа в общем контексте изучения культур эпохи бронзы. При этом мы будем критически анализировать концепции Г.Б. Здановича и не соглашаться с теми его выводами, которые, на наш взгляд, не соответствуют современному состоянию знания об археологических источниках.

Считая такую критику нормальным элементом научной дискуссии, мы бы хотели подчеркнуть несомненный вклад Г.Б. Здановича в постановку основных проблем изучения эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей, полевое исследование целого ряда ключевых археологических памятников этой эпохи, создание системы комплексного изучения истории и культуры Зауральской степи и формирование широкой системы общественного и государственно-государственного интереса к древней истории региона [70; 72].

Мы надеемся, что предлагаемый читателю критический анализ, при всей дискуссионности многих его положений, будет способствовать развитию научного знания об основных этапах развития культур и этносов Евразии.

II. «СТРАНА ГОРОДОВ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В своих работах, изданных после открытия Аркаима, Г.Б. Зданович неизменно подчеркивает уникальность территории распространения памятников синташтинского типа, так называемой «Страны городов», в качестве компактной, четко очерченной и пространственно структурированной системы. Он утверждает, что «синташтинская «Страна городов» является уникальным объектом для системного анализа территории культуры... Мы видим здесь на четко очерченной территории культуру с определенным набором признаков: это укрепленные поселения и сопутствующие им могильники. Укрепленные поселения синташтинского типа известны только на территории Южного Зауралья. Пространство протяженностью около 350 километров структурировано системой укрепленных центров. Изучая эту систему, мы получили возможность <...> представить всю территорию с точки зрения ресурсов – биоресурсов, минерально-сырьевой базы и т.д. Мы получили возможность представить – как в реальности функционировало древнее общество» [32, с. 49].

Мы полагаем, что данная точка зрения на районы распространения синташтинских поселенческих памятников как на уникальную компактную территорию не соответствует археологическим источникам. Делая этот вывод, Г.Б. Зданович не учитывает данные об обнаружении новых синташтинских памятников на территории Башкирского Зауралья – поселений Улак I и Селек в долине реки Ургаза (Большая Уртазымка) [82; с. 296-301; 83, с. 204-218]. К сожалению, для этих поселений не нашлось места даже в последнем издании карты «Страны городов» [34, цвет. вклейка, рис. 1].

В концепции Г.Б. Здановича и в издаваемом при его участии картографическом материале не учитываются хорошо известные

в науке данные о синташтинском характере раннего слоя поселения Шибаво I в Еткульском районе Челябинской области [58, с. 150-180] и поселения Семиозерное II в Костанайской области Республики Казахстан [8, с. 18], также не учитываются сведения о широком распространении синташтинских погребальных памятников в среднем течении реки Урал на территории Оренбургской области (могильники Танаберген II, Жаман-Каргала I и др. [87, с. 8, рис. 1]). Все эти памятники существенно расширяют и «размывают» якобы «четко очерченные» границы так называемой «Страны городов».

При оценке «компактного характера» «Страны городов» Г.Б. Зданович полностью упускает из вида еще одну, даже более компактную «Страну» синташтинско-петровских поселений, расположенную в долине реки Ишим южнее города Петропавловска Северо-Казахстанской области (поселения Новоникольское I, Петровка II, Боголюбово I). Это тем более удивительно, что все ишимские комплексы были открыты и исследованы в 1970-е – 1980-е годы именно экспедицией Г.Б. Здановича.

В монографии 1988 г. Г.Б. Зданович определяет культурную принадлежность ранних слоев указанных поселений как петровскую [22], однако к тому времени синташтинские материалы еще не были выделены в самостоятельный тип. Анализ немногочисленной опубликованной керамики с ишимских поселений позволяет предположить наличие на них, наряду с петровским, более раннего, синташтинского культурного слоя, с которым, вероятно, и связаны первые следы регулярной застройки этих поселений. Данное предположение представляется нам тем более обоснованным, что материалы могильника Петровка уже интерпретировались специалистами как синташтинские либо «синташтоидные» [8, с. 18]. Вероятно, отказываясь от учета собственных Северо-Казахстанских материалов при определении границ и особенностей распространения синташтинских поселений, Г.Б. Зданович стремится подчеркнуть исключительность южноуральских памятников т.н. «Страны городов», однако такой подход представляется нам не вполне адекватным.

Мы полагаем, что кажущаяся «компактность» «Страны городов» имеет гносеологический характер и связана с особенностями археологических исследований – в первую очередь с тем, что только на территории Челябинской области и небольших, прилегающих к ней участков Оренбургской области и Республики Казахстан, И.М. Батаниной и Н.В. Левит был применен метод дешифровки аэрофотоснимков для сплошного археологического обследования больших площадей. На других территориях Урало-Казахстанской степи данный метод исследований в столь же широком масштабе до настоящего времени не применялся.

Следует учитывать, что большинство зауральских поселений синташтинского типа были открыты либо интерпретированы в данном качестве именно с помощью аэрофотометода [32; 53]. В литературе уже делались прогнозы о том, что дальнейшие исследования приведут к открытию новых поселенческих памятников синташтинского типа, прежде всего, на территории Оренбургской области и Республики Башкортостан [7, с. 267], и мы можем говорить о том, что к настоящему времени эти прогнозы начинают сбываться.

III. АРКАИМ: ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В публикациях Г.Б. Здановича неоднократно повторяется утверждение о том, что исследования Аркаима и других памятников синташтинского типа позволяют сделать «корректные демографические выводы» о существовании обществ эпохи бронзы [32, с. 49]. На наш взгляд, данное утверждение, к сожалению, не вполне соответствует действительному состоянию наших знаний о соответствующих археологических источниках. Так, приводимая Г.Б. Здановичем оценка численности населения Аркаима в 2,5 тысячи человек [28, с. 35] представляется неадекватно завышенной. Надо отметить, что в некоторых научно-популярных изданиях Г.Б. Зданович увеличивает эту оценку даже до 4 тысяч человек [30, с. 15].

С учетом того, что на Аркаиме, по данным раскопок и геофизических исследований, одновременно функционировало не более 60 жилищ площадью от 110 до 180 м² [31, с. 55], а общая жилая площадь поселения составляла около 10,0 тыс. м² [17, с. 58], если бы население поселка составляло 2,5 тысячи человек, то в одном жилище должно было проживать в среднем 42 человека, а размер жилой площади на одного человека составлял около 4 м². Такое количество людей может разово разместиться в аркаимских жилищах, но никак не проживать в них сколько-нибудь длительное время. Наиболее правдоподобной нам представляется оценка численности населения Аркаима в 800-900 человек, сделанная А.В. Епимаховым [17, с. 58] (при этом в одном жилище могло проживать 13-15 человек).

По результатам исследований синташтинских поселений Г.Б. Здановичем было высказано мнение о том, что время их существования укладывается в хронологический диапазон от 150 до 250 лет [36, с. 50]. Длительность существования опорного памятника – поселения Аркаим – оценивается им в 150-200 лет. Принятию этих

предположений в немалой степени способствовал существенный разброс датировок, получаемых на каждом памятнике при применении радиоуглеродного датирования (по ^{14}C). Однако накопление больших серий радиоуглеродных датировок показало, что, во многих случаях, с разбросом в несколько десятков, а то и сотен лет, датируются даже образцы, взятые из закрытых комплексов, по археологическим правилам синхронные друг другу. Разброс датировок увеличивается при сопоставлении дат, полученных в разные годы и в разных лабораториях, но даже единовременно взятые серии, проанализированные в одной лаборатории, все равно демонстрируют существенные амплитуды значений, далеко выходящие за предельные отклонения, указанные в результатах анализа. В этом можно убедиться, изучив опубликованные радиоуглеродные даты, наиболее подробная сводка которых представлена в монографии А.В. Епимахова [18, с. 161-163].

Все это привело многих специалистов к сомнениям в возможности установления с помощью радиоуглеродного анализа узких хронологических интервалов. Этот вывод отнюдь не ставит под сомнение радиоуглеродный метод в целом, но устанавливает определенные границы его применения. Возвращаясь, с учетом данного опыта, к вопросу об определении длительности функционирования поселений синташтинского типа, а также к проблеме хронологии всего синташтинского культурного феномена, мы видим, что первоначальная оценка длительности существования основных памятников, в первую очередь – поселения Аркаим, была выполнена, что называется «на вскидку», без сколько-нибудь фундированной аргументации.

В тех случаях, когда вопрос о длительности существования синташтинских памятников рассматривается на базе комплексного анализа археологических источников, у исследователей появляются выводы о значительно более коротких временных интервалах, чем указанные в интерпретации Г.Б. Здановича. Так, проанализировав материалы исследованной части аркаимского некрополя, кургана 25 Большекараганского могильника, Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова оценивают время активного функционирования этого погребального комплекса в 20-30 лет. При этом они указывают на то, что данного срока оказалось достаточно «не только для сильных стилевых изменений, но и для изменения культурных стандартов керамики» [44, с. 131].

В той же работе Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова констатируют быстротекущие изменения, которые фиксируются в планировке поселений синташтинского типа, в модификации культурных типов керамической посуды – изменения, которые могут укладываться в

пределы жизни одного поколения (20-30 лет). Авторы пишут: «Не исключено, что, оценивая срок жизни «Страны городов» в 150-250 лет, мы завышаем цифры в несколько раз. Интуиция «взрывного» характера «синташты» присутствует в работах современных исследователей» [44, с. 131].

При изучении синташтинских некрополей, располагающихся в непосредственной близости от исследуемых поселений, специалисты обращают внимание на несоответствие обнаруженного и даже экстраполируемого числа погребенных и ожидаемого количества умерших за время функционирования поселения. Так, А.В. Епимахов, анализируя погребальные комплексы могильника Каменный Амбар – некрополя синташтинского поселения Ольгинское – указывает, что в трех исследованных курганах синташтинского времени здесь обнаружены остатки 97 умерших. Общее количество синташтинских погребальных конструкций он определяет, с учетом данных дешифровки аэрофотоснимков, как 5 или 6, из чего выводит вероятное число погребенных на могильнике – до 200 человек [18, с. 149], что неадекватно мало для достаточно крупного коллектива, проживавшего на этой территории «не один десяток лет» [17, с. 59]. Как еще более контрастную автор оценивает ситуацию в Синташтинском комплексе, исследованном полностью, где количество покойных еще меньше, чем на Каменном Амбаре.

Из этого анализа А.В. Епимахов делает вывод о существовании в синташтинском обществе еще одного обряда погребения умерших, не поддающегося уверенной археологической фиксации, вероятно – обряда наземного размещения (т.н. «выкладывания») покойных [17, с. 59]. Этот вывод подтверждается расчетом, согласно которому если «период функционирования каждого поселения составлял не менее 40-50 лет, то при существовавшем уровне продолжительности жизни население [за время существование поселка – прим. Ф.П.] должно было обновиться целиком. Таким образом, количество умерших за этот отрезок времени может быть условно приравнено к числу одновременно обитавших на памятнике. Приведенные выше цифры демонстрируют принципиальную несводимость показателей» [17, с. 59].

Предположение о существовании в синташтинском обществе альтернативных обрядов погребения является весьма дискуссионной. Оно основывается еще на двух косвенных аргументах. Первый – нехарактерное для естественных условий преобладание в некоторых погребальных комплексах определенных половозрастных групп, например, абсолютное преобладание погребенных подросткового возраста в раскопанных захоронениях могильника Степное VII (устное сообщение Е.В. Куприяновой по данным

антропологических определений Е.П. Китова). Второй – единичные случаи наличия в синташтинских могильниках вторичных погребений, в том числе со следами погрызов на костях, что можно интерпретировать как захоронения костей погребенных, предварительно «выложенных» на открытых площадках.

Возможны, однако, и другие варианты интерпретации таких находок. Так, Д.Г. Зданович убедительно обосновывает сезонный, летний характер синташтинского погребального обряда [40, с. 61-62]. В этом случае умершие в зимнее время должны были сохраняться в каких-то холодных помещениях до начала весенне-летнего периода. В некоторых случаях до них могли добираться собаки, лисы, другие животные, что и могло приводить (особенно во время оттепелей) к тому, что вместо предназначенного к погребению тела до весны сохранялось только некоторое количество костей со следами погрызов. Захоронение таких костей и может создавать впечатление существования традиции «вторичных» погребений.

Что же касается первого аргумента, то целый ряд синташтинских погребальных комплексов демонстрирует т.н. «нормальное» распределение умерших по половозрастным признакам. Так, антрополог Р.У. Линдстром полагает, что возрастная структура погребенных в кургане 25 Большекараганского могильника близка к естественной возрастной структуре первобытных общин [54, с. 163], то же самое утверждает антрополог Г.В. Рыкушина по материалам исследования погребенных могильника Кривое Озеро [81, с. 358-359].

В любом случае мы считаем, что при решении вопроса о существовании и распространенности альтернативных способов погребения в синташтинском обществе, едва ли стоит опираться на тезис о многократном несоответствии между расчетным числом умерших и зафиксированным числом погребенных, поскольку это несоответствие гораздо проще можно объяснить ошибкой в определении расчетного числа умерших, связанной с преувеличением численности населения синташтинских поселений, и, особенно, с завышенными оценками длительности их функционирования.

Вернемся к упомянутому случаю с могильником Каменный Амбар и поселением Ольгинское. Судя по дешифровке аэрофотоснимков, на поселении в синташтинский период его существования могло функционировать 20-25 жилищ [34, с. 99, рис. 47]. Если воспользоваться демографическими расчетами А.В. Епимахова, сделанными для поселения Аркаим [17, с. 58], мы можем предположить, что на поселении в это время проживало 250-350 человек. Реконструируемая численность погребенных в могильнике – около 200 человек, отнюдь не противоречит расчетной численности насе-

ления, если предположить, что время существования поселения составляло 20-30 лет – в пределах жизни одного поколения. Именно столько времени, по нашему времени, и существовали, как правило, синташтинские поселения – в том числе и поселение Аркаим.

Археологическими раскопками на поселении Аркаим вскрыто 8 055 м² [29, с. 18], исследовано 28 (по другим данным – 29) жилищ, северный и западный сектора внешней стены и рва [34, с. 16, 48]. Из раскопа происходит коллекция в составе 10 120 предметов, в том числе около 9 000 фрагментов керамики [34, с. 48; 55, с. 99].

Обращает на себя внимание бедность находками культурного слоя поселения Аркаим. На каждый вскрытый раскопом 1 м² приходится в среднем 1,3 находки, учитываемых в коллекционной описи (т.е. за исключением остеологических остатков). Такое же соотношение по керамике составляет 1,1 фрагмента керамики на 1 м².

Данные соотношения можно рассматривать как коэффициенты насыщенности культурного слоя артефактами. На всех исследованных в Зауральской степи неукрепленных поселениях эпохи поздней бронзы этот коэффициент значительно выше. Так, на поселении Ахуново со срубно-алакульским и черкаскульским слоями в 2003 г. нами был вскрыт участок полуразрушенной жилищной впадины [67, с. 332]. Коэффициент насыщенности культурного слоя составил 2,7 артефакта на 1 м² и 2,3 фрагмента керамики на 1 м². На исследованном нами в 2001 г. срубно-алакульском поселении Заря XI [63] коэффициент насыщенности культурного слоя поселения артефактами определяется как 3,6 на 1 м², а фрагментами керамики – 3,5 на 1 м². При этом на поселении Заря XI нами было раскопано межжилищное пространство, число находок на котором, как правило, существенно меньше, чем в культурном слое жилищных впадин. Близкие значения коэффициентов мы получили при анализе насыщенности культурных слоев других неукрепленных поселений эпохи бронзы, исследованных раскопами в Зауральской степи. Средняя насыщенность их культурного слоя превышает показатели Аркаима в 2,5-3,5 раза, а зачастую и больше. При этом на всех срубно-алакульских поселениях плотность жилой застройки в 3-4 раза меньше, чем на Аркаиме, а наибольшая концентрация находок, как правило, связана именно с жилищными комплексами.

К сожалению, неукрепленные поселения эпохи поздней бронзы исследовались в Зауральской степи существенно меньшими по площади раскопами, чем поселения синташтинского типа. Однако многочисленные небольшие раскопы и шурфы, заложенные на срубно-алакульских поселениях, дают картину насыщенности культурного слоя, существенно отличающуюся от соответствующих данных по однослойным синташтинским памятникам.

Интерпретируя факт слабой насыщенности находками культурного слоя Аркаима, Г.Б. Зданович предполагает особое, ритуальное в своей основе, отношение древнего населения Аркаима к чистоте жилого и сакрального пространства. При таком подходе малое количество находок объясняется регулярными тщательными уборками жилых помещений. Однако остается непонятным, куда ссыпался мусор, который должен был оставаться после таких уборок.

На раскопанной территории поселения Аркаим никаких мусорных ям не обнаружено. Конечно, можно предположить их наличие за пределами внешних стен поселения. Однако специфика мусора эпохи бронзы заключается в том, что в значительной мере он состоял из золы, выгребаемой из печей и очагов. Зольники, насыщенные фрагментами керамики, а также обожженными и необожженными обломками костей, являются неизменным атрибутом каждого позднебронзового поселения в Зауральской степи. На этих поселениях они сконцентрированы в валообразные возвышения, оконтуривающие жилищные конструкции. Судя по всему, насыщенный золой и мелким мусором грунт использовался срубно-алакульским населением для подсыпки стен домов с целью их утепления.

При этом зольники всегда очень хорошо читаются на местности при проведении разведочных работ – за счет сформировавшегося на них характерного солонцового комплекса растительности. Поверхность зольников, как правило, очень плохо задернована, на ней не редкость эрозионные размывы и норы грызунов, благодаря которым обнажается культурный слой и становится доступным подъемный материал. Проверка наличия зольников на площадках неукрепленных поселений с помощью шурфовки практически в 100 % случаев подтверждает определения, сделанные по результатам наблюдений за рельефом, растительностью, почвой и особенностями распределения подъемного материала.

Таким образом, если бы древнее население Аркаима тщательно убирало мусор на территории поселения и ссыпало его за пределами обводных стен, на площадке памятника образовались бы обширные зольники, легко читающиеся на дневной поверхности. Однако за много лет работ на площадке ничего подобного обнаружено не было. Поэтому мы должны отклонить данное объяснение как несоответствующее нашим знаниям об археологических источниках.

Зольники и иные остатки жизнедеятельности древнего населения составляют основу культурного слоя срубно-алакульских поселений Зауральской степи. Мощность зольников некоторых поселений в долине реки Большая Караганка, которые нам приходилось шурфовать, превышает 1,5 м (пос. Лисьи горы I, Лопатин Дол), что

однозначно свидетельствует о длительном проживании населения на этих поселениях. В то же время культурные слои всех изученных раскопками синташтинских укрепленных поселений (а на многослойных поселениях – нижние слои, связанные с синташтинским этапом их существования) образованы, главным образом, не остатками жизнедеятельности, а развалами строительных конструкции – при весьма небольшой мощности зольников и вообще очень ограниченном количестве находок (поскольку к настоящему моменту из восьми изученных раскопками синташтинско-петровских поселений в Зауральской степи (Аландское, Аркаим, Берсуат, Куйсак, Ольгино, Синташта, Степное, Устье) сколько-нибудь подробно опубликованы только материалы раскопок Синташты, данный вывод опирается на изучение отчетов и собственный полевой опыт автора, принимавшего участие в раскопках семи поселений (за исключением поселения Степное).

Г.Б. Здановичем был предложен еще один вариант объяснения слабой насыщенности культурного слоя Аркаима. Он предположил, что данное поселение могло иметь сезонный режим функционирования. В таком случае жители Аркаима «поселялись здесь на какой-то относительно короткий срок в году, на время ритуальных праздников или решения каких-то других жизненно важных проблем... Постоянно на Аркаиме проживало не так уж много людей. Это, скорее всего, жрецы и воины, которые «по совместительству» могли быть и металлургами» [28, с. 35]. Аналогичное предположение о сезонном характере функционирования известных нам синташтинских поселений выдвигает и Н.Б. Виноградов [8, с. 32].

Если принять данное объяснение, то необходимо предположить, что, за исключением кратких периодов проживания на Аркаиме, население – носители синташтинского культурного типа – проживало в других местах, в неукрепленных поселках, расположенных в более или менее отдаленных окрестностях Аркаима. На территории Аркаимской долины между поселками Александровский, Черкасы и Амурский, на расстоянии не более пяти километров от поселения Аркаим, известно девять неукрепленных поселений, расположенных тремя компактными группами по три поселения [6]: поселения Каменный Брод, Александровское I и Александровская плотина по берегам Бол. Караганки в районе горы Лысой (Шаманки); поселения Черкасы II, Черкасы III и Крутая Гора по берегам Бол. Караганки в районе Черкасинской сопки; и поселения Утяганское I (Ленинградское), Утяганское II и Утяганское III по берегам Утяганки напротив Чилижного дола. Три из этих поселений – по одному в каждой группе – изучались раскопками: пос. Черкасы II исследовала

С.Я. Зданович в 1987 г., пос. Утяганское I (Ленинградское) – А.В. Виноградов в 1987 г. и Н.О. Иванова в 1994 г., пос. Каменный Брод – Г.И. Перегрюмова в 1987 г., Т.С. Малютина и Г.Б. Зданович – в 2004-2006 гг.

Поселение Александровская плотина полностью или практически полностью уничтожено при строительстве плотины. Следов его культурного слоя нам обнаружить не удалось. Поселение Александровское I, расположенное на правом берегу реки Бол. Караганка, к северо-востоку от горы Лысой, было пропущено при составлении указанной выше карты заповедника, однако оно хорошо читается на местности и было исследовано нами шурфовкой в 1998 г. (рис. 3).

Авторы археологической карты заповедника, наряду с поселением Каменный Брод, расположенным на террасе левого берега Бол. Караганки, выделяют еще поселение Ближний Хутор, находящееся на той же террасе, несколько выше поселения Каменный Брод. Мы считаем, что эти два поселения на самом деле являются одним, единым памятником. Это подтверждает проведенная нами шурфовка, которая показала, что между группами впадин, определяемых как поселения Каменный Брод и Ближний Хутор, отсутствует разрыв культурного слоя, т.е. культурный слой этих объектов в пространственном отношении един [62].

К сожалению, материалы раскопок всех указанных поселений до настоящего времени не опубликованы. Единственное исключение – три таблицы с керамикой, обнаруженной при раскопках поселения Черкасы II [35, с. 205-207, рис. 68-70]. Автору, однако, пришлось работать с керамическими коллекциями всех перечисленных памятников, хранящимися в археологических фондах Челябинского университета.

В результате этой работы автор может со всей ответственностью утверждать: собственно синташтинская керамика, керамика классических синташтинских типов (типы ПI(1), ПI(2) и ПII(1) по классификации Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича) [55, с. 103-119] в этих коллекциях отсутствует – кроме единственного случая находки нескольких фрагментов керамики синташтинского облика на поселении Каменный Брод.

Пять нераскопанных поселений Аркаимской долины (за исключением разрушенного поселения Александровская плотина) неоднократно исследовались шурфовкой, с них делались подъемные сборы. Ни единого фрагмента собственно синташтинской керамики в коллекциях с этих поселений обнаружено не было. Точно так же полностью отсутствует синташтинская керамика в материалах со всех 48 неукрепленных поселений эпохи бронзы долины реки

Бол. Караганка, обследованных полевыми отрядами автора и Л.Ю. Петровой в 1997-2000 гг.

В археологических фондах Челябинского университета хранится несколько фрагментов синташтинской керамики, найденных на территории Аркаимской долины за пределами городища Аркаим – к сожалению, без указания точного места их находки. По устному сообщению Г.Б. Здановича несколько несохранившихся синташтинских фрагментов было найдено в 1987 г. на левом берегу Бол. Караганки, к северо-востоку от устья реки Утяганки. Проведенными нами разведочными работами никакого культурного слоя на этом участке выявлено не было. Можно предположить, что данные фрагменты происходили с разрушенной части расположенного рядом с данной площадкой Большекараганского могильника.

В целом, вероятно, можно согласиться с выводом А.В. Епимахова о том, что крайне немногочисленные находки отдельных фрагментов синташтинской керамики на территории Аркаимской долины (в том числе и на площадке поселения Каменный Брод) свидетельствуют не о проживании синташтинского населения за пределами поселения Аркаим, а являются следами осуществлявшейся на территории долины хозяйственной деятельности – в первую очередь, выпаса скота [17, с. 55].

Таким образом, предположение о сезонном характере проживания населения на Аркаиме следует признать несоответствующим нашим знаниям об археологических источниках, поскольку не выявлено никаких других поселений, в которых это население могло бы проживать оставшуюся часть года.

Проблема ограниченного числа находок в культурном слое поселения Аркаим станет еще более рельефной, если проанализировать аркаимскую керамику с точки зрения «use life» – среднего срока службы (длительности использования) керамических сосудов. Данный анализ был выполнен Д.Г. Здановичем и Е.В. Куприяновой [44, с. 129] на основе материалов статистической обработки керамического комплекса поселения Аркаим и Большекараганского могильника, осуществленной автором и М.Э. Вербовецким [74].

Используя методику, предложенную М. Шотт, Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова определили вероятные сроки службы керамических сосудов поселения Аркаим исходя из их реконструируемых объемов. Для группы сосудов объемом до 7 литров определен вероятный срок службы в пределах 3-4 лет, для сосудов объемом от 8 до 50 литров – 6-10,5 лет. Среднее значение срока службы для сосудов обеих групп составило 5,3 года [44, с. 129].

В результате многолетней работы научной группы Т.С. Малютиной из 9 000 фрагментов керамики, найденных при раскопках посе-

ления Аркаим, было реконструировано (главным образом – частично) 390 сосудов [55, с. 99], при этом большинство фрагментов в коллекции было распределено по сосудам (автор принимал участие в этой работе в 1994-1997 гг.). С учетом оставшихся нераспределенными фрагментов можно предположить, что на раскопанной части поселения Аркаим были найдены фрагменты никак не более, чем 600 сосудов. Раскопанная часть поселения (8 055 м²) относится к его общей площади (20 000 м²) как 1 к 2,5. Таким образом, экстраполировав имеющиеся данные, мы можем предположить, что всего в культурном слое поселения содержатся остатки около 1 500 керамических сосудов. Конечно, полученная цифра весьма условна, однако можно надеяться, что порядок значений она дает верно.

Определить количество сосудов, находившихся в повседневном использовании на поселении Аркаим, можно лишь очень приблизительно. Естественно, разные сосуды имели различное функциональное назначение. Так, в коллекции Аркаима хорошо выделяются крупные сосуды баночной формы (тип БII(1) по классификации Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича) объемом около 30 литров с ясными следами пищевых пригаров – очевидно, в этих сосудах готовили пищу для достаточно большого коллектива, вероятнее всего – для населения целого дома. В коллекции присутствуют и многочисленные сосуды меньших объемов со следами пригаров, в которых осуществлялось приготовление или разогрев пищи на одного или несколько человек. Ряд крупных сосудов не имеют следов приготовления пищи, и использовались, вероятно, для хранения продуктов.

Так же очевидно, что жители Аркаима пользовались не только керамическими, но и деревянными сосудами [7, с. 231], а, скорее всего – и кожаными емкостями и бурдюками. Однако, наверное, не будет большой ошибкой предположить, что одновременно в пользовании жителей поселения должно было находиться, по меньшей мере, по одному керамическому сосуду на человека. Эта цифра может быть и существенно больше – особенно если учесть данные погребального обряда, при котором каждому погребенному соответствует не менее двух сосудов. Даже если брать минимальные оценки численности населения Аркаима, это составит около 800 сосудов. Исходя из значений среднего срока службы сосуда, определяемых как 5,3 года, в среднем раз в пять лет эти сосуды должны сменяться следующими, не менее чем 800-ми сосудами. Очевидно, что срок службы сосудов разного размера и предназначения будет существенно различаться, однако в данном случае мы сознательно оперируем предельно усредненными значениями.

В таком случае сосудов, фрагменты которых находятся в культурном слое Аркаима, едва хватило бы его населению на 10 лет жизни. Даже с учетом того, что часть сосудов помещалась в могильные ямы, часть разбивалась за пределами поселения, часть дробилась и истиралась в шамот, с учетом любых других мыслимых потерь мы, зная, что рядом с Аркаимом не зафиксировано никаких мусорных куч, в которые специально выбрасывалась бы битая керамика, можем увеличить названную цифру не более чем в 2-3 раза. В таком случае получится что, судя по насыщенности культурного слоя фрагментами керамики, ориентировочный срок функционирования Аркаима составляет не 150-200 лет, а 20-30 лет, что вполне согласуется с предлагаемой нами гипотезой о длительности существования синташтинского культурного феномена.

IV. «ФОРТИФИКАЦИЯ, ДОСТОЙНАЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТЕЙ»

Г.Б. Зданович реконструирует укрепления Аркаима как «фортификацию, достойную средневековых крепостей» [28, с. 25]. Оборонительная стена Аркаима представляется в его реконструкциях как возведенная из сплошного ряда бревенчатых срубов размером около 3 x 4 м, высотой не менее 3,5 м, залитых изнутри грунтом с добавлением извести. Снаружи эта стена была облицована сырцовыми блоками, а по ее верху располагалась деревянная стенка, в которой, вероятно, были проделаны бойницы. Конструкция входов в поселение трактуется им как особо сложная, с элементами лабиринта и тайных проходов [31, с. 53-55]. Аналогичным образом Г.Б. Зданович реконструирует и оборонительные сооружения других поселений синташтинского типа.

Корректный анализ данной реконструкции затруднен тем, что, к сожалению, до настоящего времени материалы раскопок поселений синташтинского типа опубликованы лишь в незначительной степени. Относительно подробно опубликованы только результаты раскопок укрепленного поселения Синташта – однако его оборонительные сооружения сильно разрушены природными процессами и поздними постройками, да и исследованы, по большому счету, достаточно фрагментарно [13]. При этом никаких следов срубов, образующих оборонительные стены, на опубликованных чертежах Синташты не фиксируется. Что касается остальных памятников – то, кроме Аркаима, по всем остальным синташтинским поселениям не опубликованы даже планы раскопок. Единственное исключение –

поселение Аландское, по материалам исследований которого опубликовано несколько планов и профилей раскопа [37, с. 103-108].

Основные этапы археологических раскопок поселения Аркаим завершились в 1991 году, а дополнительные работы небольшого объема – в 1995 году. Однако до сих пор, за более, чем двадцать лет с момента начала раскопок, опубликован только общий план раскопа в масштабах 1 : 1 500 и 1 : 3 000, а также план раскопа одного жилища в масштабе 1 : 500 [55, с. 100, рис. 1; 28, с. 32, рис. 6]. Публикации профилей раскопа поселения Аркаим на сегодняшний день отсутствуют полностью.

Раскопами на поселении Аркаим в 1987-1991 гг. руководили С.А. Григорьев, А.И. Гутков, Н.О. Иванова, А.М. Кисленко, Н.М. Меньшенин, В.С. Мосин и М.К. Хабдуллина. В последующие годы двумя отдельными раскопами руководили А.В. Епимахов и Т.С. Малютина. Раскопки Аркаима были полностью завершены в 1995 г. Автор принимал участие в работах на Аркаиме в 1995 г. в качестве заместителя начальника раскопа, выполнял нивелировочные и чертежные работы, а также осуществлял оперативное руководство российскими и американскими студентами. Все работы на Аркаиме выполнялись на основании Открытых листов на имя Г.Б. Здановича, полученных в 1987-1990 гг.

Изучение научных отчетов о раскопках Аркаима и их обсуждение с руководителями отдельных раскопов, а также собственный опыт участия в раскопах Аркаима, позволили нам сделать некоторые предварительные выводы.

По нашему мнению, реконструкция оборонительной стены Аркаима как сооруженной из поставленных встык бревенчатых срубов совершенно не соответствует материалам раскопок. Следы конструкций такого рода в раскопах не зафиксированы, ни в одном из отчетов такие конструкции не упоминаются.

Так, в описании сохранившихся частей внешней обводной стены Аркаима в отчете за 1987 год указывается, что в основании стены «погребенная почва полностью или частично срезана. Нижний слой стены представляет собой плотную черную супесь с известковыми включениями (мощностью 25-30 см). Выше залегает серая слабо гумусированная супесь толщиной 30-40 см, на ней – опять плотный слой с известковыми включениями (мощность 25-30 см). На плотном слое – тонкие золистые рыхлые прослойки. Верхняя часть развала стены покрыта дерном, темно-коричневым гумусом и серой супесью» [33, с. 8].

Остатки обрушившейся части стены находились в обводном рву. Согласно тому же отчету «разрезы рва дают хорошо читающуюся последовательность напластований. На дне рва лежит мощ-

ный слой светлого суглинка, который, поднимаясь вверх, смыкается с основанием оборонительной стены. Завал суглинка всегда четко прослеживается в плане широкой лентой (до 1 м и более), отбивая внутреннюю границу рва. На самом дне рва и несколько выше в суглинке встречаются тонкие углистые прослойки и слои колотых костей животных... Слой светлого суглинка перекрыт углистыми прослойками в сочетании с кусками прокаленной глины и гумусированным грунтом толщиной 10-15 см... Все это перекрывается плотным слоем известковой супеси, выше – серыми и темно-коричневыми супесями и гумусом» [33, с. 9].

Анализ имеющихся данных о планиграфии и стратиграфии раскопов приводит нас к следующим выводам. Внешние стены Аркаима и других поселений синташтинского типа были возведены на глиняном фундаменте, который хорошо сохранился и уверенно расчищается при их раскопках. Стоявшие на этих фундаментах конструкции, как нам представляется, пока не могут быть достаточно корректно реконструированы. Не вызывает сомнения, что они состояли из дерева и земли, причем, судя по всему, деревянные части играли роль каркаса, а также, возможно, наружной и внутренней облицовки, и не были чрезмерно массивными.

Судя по объему развалов грунтовой части данных конструкций, высота стен была около двух метров. По материалам раскопок поселения Куйсак такого рода расчеты были выполнены в 1994 г. И.В. Ивановым и Л.Л. Гайдученко. Перед стеной располагался ров, выбранная из которого глина использовалась для возведения фундамента стены – возможно, с добавлением некоторых дополнительных связующих веществ. На поселениях Аландское и Ольгинское зафиксирована облицовка нижней части внешней поверхности обводной стены каменными плитками (гранитными или амфиболитовыми), вероятно, защищавшими глиняные основания стен от размывания при сильных дождях и паводковых разливах рек.

Серьезные сомнения вызывает определение функциональной принадлежности внешних стен синташтинских поселений как оборонительных, и, соответственно, сама трактовка поселенческих памятников синташтинского типа как укрепленных поселений, городищ или крепостей.

Скептические оценки военного назначения синташтинской «фортификации» уже высказывались в литературе. Н.Б. Виноградов обращает внимание на полное отсутствие явных следов военных конфликтов на всех без исключения масштабных изученных памятниках этого круга, а также на расположение синташтинских поселений в принципиально неудобных для обороны топографических условиях – в «чашах» долин, в ряде случаев –

непосредственно под холмами и другими возвышенностями [7, с. 266]. А.В. Епимахов отмечает в этом же контексте очевидную невозможность размещения в пределах синташтинских поселений сколько-нибудь значительного количества скота [17, с. 59].

Действительно, именно стада коров и овец, а также табуны лошадей были основой синташтинского хозяйства – как и любого традиционного степного хозяйства до начала эпохи модернизации. Как мы хорошо знаем из исторических и этнографических источников, чаще всего вооруженные конфликты в степи происходили по поводу стад и пастбищ, и наиболее распространенным типом конфликта был именно угон скота. В этих условиях защищать от противника людей, не защищая скот – однозначно проигрышная стратегия, поскольку лишившееся своих стад население все равно впадет в голод и нищету, а его общественная структура, скорее всего, распадется. Успешно защищать свой скот и захватывать чужой можно только применяя максимально мобильную военную тактику – универсальное для степной традиции сочетание внезапных набегов, засад и погонь. Крепости для всего этого не нужны, тем более не нужны крепости, в которые невозможно спрятать скот даже на короткое время – а именно такими являются все синташтинские «укрепленные» поселения.

Оборонительный характер внешних стен и рвов синташтинских поселений – это предположение, сделанное в рамках устоявшейся традиции исторических трактовок, а отнюдь не вывод, следующий из археологического материала, при анализе которого мы видим, что внешние стены были, собственно, стенами обширных блоков жилищ. Эти блоки, выстроенные по кольцевой либо по линейной структуре (чем, собственно, и определялась форма поселения), окружались внешней стеной, к которой непосредственно примыкало внутреннее жилое пространство. Собственно, эти стены и были стенами самих жилищ.

Большая толщина внешних стен жилых блоков была необходима, поскольку именно они – наряду с крышами – выполняли основную теплоизолирующую и гидроизолирующую функцию. Внутренние стены, разделявшие отдельные жилища в пределах одного блока жилищ, имели гораздо более легкий характер – поскольку не было никакого резона в обеспечении теплоизоляции между соседними, в равной мере обогреваемыми помещениями. Предположение о засыпном (или даже заливном – в смысле заливки глинистым раствором) характере внутренних стен не подтверждается ни археологическими материалами, ни опытом реконструкции аркаимского жилища, предпринятым под руководством А.И. Гуткова в 1995-1996 гг. Вероятно, основная функция этих стен, образо-

ванных двумя параллельными рядами вертикальных столбов, заключалась в поддержании конструкций кровли. Ту же функцию выполняли и два ряда столбов в центральной части каждого жилища. Пространство между столбами межжилищных стен могло закрываться фашинами из веток, циновками из камыша, в середине – постепенно заполняться золой [8, с. 19].

Как видно из анализа планиграфии синташтинских поселений, на них применялось два основных способа организации жилищ в блоки (своеобразные одноэтажные инсулы): кольцевой и линейный. При использовании первого способа получались круглые или овальные поселения, при использовании второго – прямоугольные. Вероятно, второй способ распространился позднее первого, и был связан уже не только с синташтинским, но и с петровским этапом развития степной культуры. Поселения с кольцевым расположением жилищ фиксируются в двух вариантах – с одним или двумя кольцами жилищ, причем во втором случае внешнее кольцо соорудилось в форме четырех взаимосвязанных секторов, каждый из которых строился как отдельный блок жилищ, замкнутый внешними стенами (именно к этому типу и принадлежит Аркаим) Поселения с линейной планировкой жилищ также можно разделить на состоящие из одного блока, и из нескольких, пристроенных друг к другу.

Мы не видим оснований для типологического и хронологического разделения круглых и овальных поселений, как это предлагает Г.Б. Зданович [33, с. 59]. Отсутствие сколько-нибудь ясной границы между «круглыми» и «овальными» поселениями становится совершенно очевидным из новых дешифровок аэрофотоснимков, выполненных И.М. Батаниной и Н.В. Левит [34] (рис. 2).

Несостоятельность обводных рвов в качестве оборонительных сооружений также представляется нам достаточно очевидной. Они имеют крайне неравномерную глубину, отдельные места с выборкой грунта до 3,5 м (вероятно, выполненной в строительных и ремонтных целях) перемежаются участками глубиной 1,0-1,2 м. Особенно ярко невоенная принадлежность рвов видна на примере ишимских «укрепленных» поселений, материалы раскопок которых опубликованы. Так, на поселении Петровка II обводные рвы имеют максимальную глубину 1,5-1,8 м при ширине 1,5-2,5 м, на поселении Новоникольское I – максимальную глубину 1,5-1,7 м при ширине 2,0-2,5 м [22, с. 37-38, 52-53]. Преодоление такой преграды ни у какого противника не должно было вызвать серьезных затруднений.

Мы полагаем, что синташтинские и петровские рвы выполняли две основные функции – служили источником строительной глины для сооружения обводных стен и обеспечивали отвод от жилых блоков талых, паводковых, а также стекающих с крыш дождевых

вод. Следует отметить, что выборка рвов вокруг крупных жилых комплексов в этих целях известна и на других археологических памятниках [5].

Не вызывает сомнения, что мощные внешние стены синташтинских блоковых комплексов жилищ («степных инсул») могли использоваться в качестве укрытия и укрепления в случае военных действий. Скорее всего, эта возможность учитывалась и при строительстве поселений. Однако необходимо учитывать, что любое строение с крепкими стенами может более или менее эффективно использоваться как укрепление при вооруженном конфликте. Принципиальным в данном случае является не сам факт использования обводных стен синташтинских поселений в этих целях, а качественная оценка данных объектов как внешних стен жилой конструкции, а не как специализированных фортификационных сооружений.

Такой подход кардинально меняет расстановку смысловых акцентов при реконструкции синташтинских поселений, до настоящего времени необоснованно, на наш взгляд, заостренных на гипотетическом военном назначении данных памятников. Соответственно и особенности архитектуры этих поселений необходимо оценивать с позиции повседневной жизнедеятельности степного населения, а не в контексте предположений о «направлениях фланкирующей стрельбы», «глубине оборонительных линий» и «возможностях обстрела рва и napольного пространства с высоты стен», как это делается в реконструкциях Г.Б. Здановича [31, с. 54].

V. САКРАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ АРКАИМА

В научной, и особенно – научно-популярной литературе широко распространена трактовка синташтинских поселений, и в том числе – поселения Аркаим – как сооружений правильной геометрической формы, запечатлевшей в себе древние священные символы. Эта концепция активно развивается Г.Б. Здановичем, которые полагает, что вся архитектура синташтинских памятников носит, прежде всего, сакральный характер [32, с. 49].

Мы вынуждены критически оценить представления о сакральных основаниях синташтинской поселенческой архитектуры. В первую очередь это касается идеи о сакральном характере формы и структуры поселений (автор ранее и сам неоднократно высказывал данную точку зрения [61, с. 105, 110]), а также концепции Аркаима как археоастрономического сооружения [43] (при этом мы считаем весьма убедительными и важными для развития науки реконструкции археоастрономического значения целого ряда древних культовых сооружений [42]).

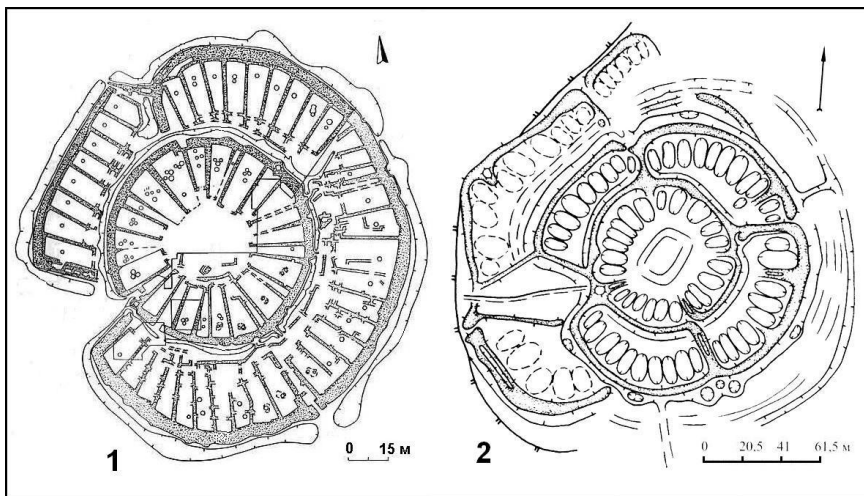

Рис. 1. Поселение Аркаим.

- 1 – План поселения, составленный по материалам раскопок и геофизических исследований. По Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановичу [55, рис. 1]. Более подробных планов поселения не опубликовано. На плане хорошо видно, что центральная площадка памятника имеет отнюдь не квадратную, а аморфно-округлую форму.
- 2 – Дешифровка аэрофотоснимка по Г.Б. Здановичу и И.М. Батаниной [34, 13]. Конструкции, дешифрированные как третье кольцо жилищ, расположенное в западной половине памятника, фактически не читаются на местности и не имеют никаких подтверждений в результатах археологических исследований.

Не вызывает сомнений, что в культуре синташтинского населения, как и в каждой традиционной культуре, с образами дома и поселка был связан огромный комплекс сакральных представлений и ритуальных практик; что каждая часть жилого пространства была осмыслена и вплетена в систему человеческого мира [4]. В традиционном мировосприятии весь мир был жив и наполнен живыми силами, каждый элемент повседневной культуры вплетался в живую ткань мира. Но при этом в традиционных культурах эгалитарных обществ (к числу которых можно уверенно отнести и синташтинское [40, с. 68-80; 17, с. 52-62]), сакральное никогда не довлеет над повседневным, оно слито с ним воедино. Только государство позволяют себе возводить объекты повседневного значения исходя из спекулятивных сакральных построений – и делают это, естественно, за счет своего населения. Община не может себе такого позволить – в том числе и потому, что не имеет инструментов эффективного принуждения многих к исполнению воли единиц.

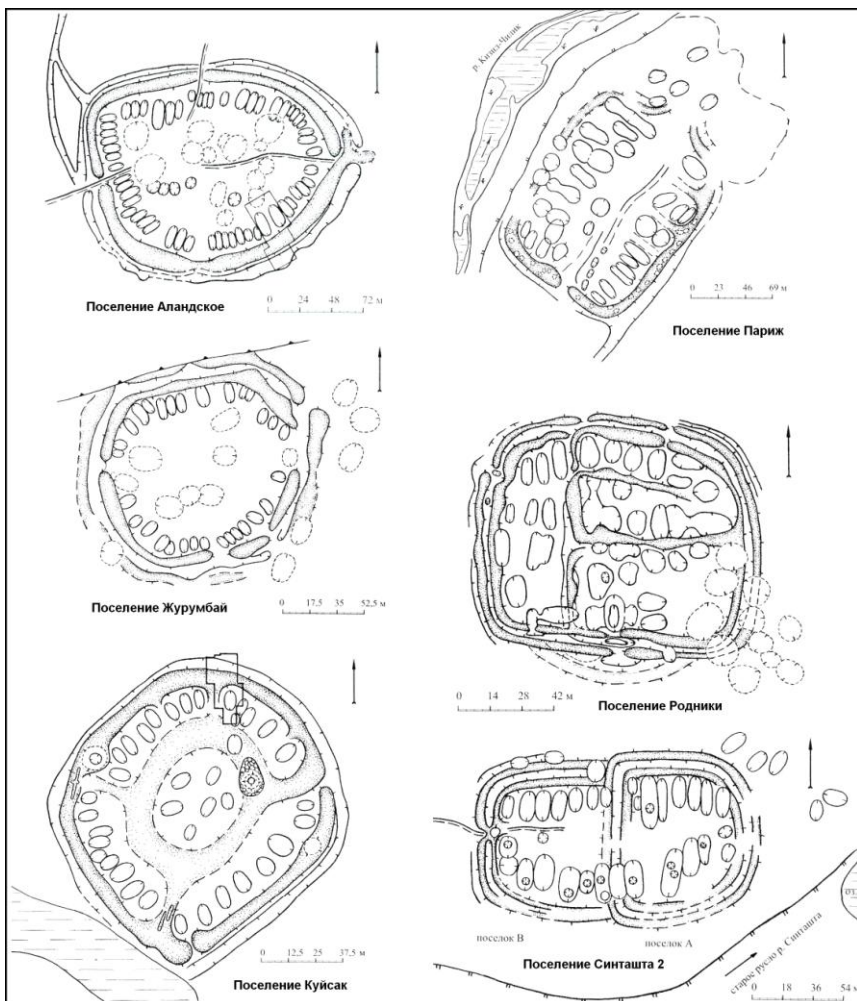

Рис. 2. Планировка поселений синташтинского и петровского типов.

Дешифровки аэрофотоснимков по Г.Б. Здановичу и И.М. Батаниной.

Поселения с кольцевым расположением жилищ: Аландское [34, с. 58, рис. 22], Жумбай [34, с. 85, рис. 38], Куйсак [34, с. 124, рис. 66]; и с линейным расположением жилищ: Париж [34, с. 129, рис. 70], Родники [34, с. 135, рис. 74], Синташта 2 [34, с. 155, рис. 90].

На рисунке хорошо видно, что форма поселений подчиняется принципу расположения жилищ и особенностям вмещающего ландшафта, и не имеет отношения к сколько-нибудь правильным геометрическим фигурам.

Поселок в Зауральской степи – это, прежде всего, структура, призванная обеспечить социуму выживание и определенный уровень комфорта в очень непростых природных условиях – с длинной и холодной зимой, с сильнейшими ветрами, с очень большой амплитудой температуры и влажности – а также стремительными изменениями этих показателей. Для того, чтобы в таких условиях строить поселки исходя из спекулятивных моделей, связанных с сакральным восприятием геометрических символов или астрономических циклов, нужно государственное принуждение, а в «синташе» его не было.

Кроме того, необходимо отметить, что концепция «архитектурно-геометрического символизма», идея о том, что синташтинские поселения имели структуру геометрических символов, появилась на первом этапе изучения этой культуры, в значительной мере – под завораживающим впечатлением концентрических кругов Аркаима и первых, еще только предварительных, дешифровок аэрофотоснимков, на которых внешние абрисы многих поселений выглядели геометрически правильными. При этом уже тогда для того, чтобы представить, скажем, структуру поселения Аркаим как символ мандалы (квадрат, вписанный в круг), пришлось сделать огромную натяжку, трактуя как квадрат форму незастроенной площадки в центре Аркаима, так называемой «центральной площади» [33, с. 60-61], которая в действительности имеет совершенно аморфную форму.

С созданием группой И.М. Батаниной новых, более детальных дешифровок, а особенно с их публикацией [34], дискуссию о «геометрических символах», запечатленных в форме синташтинских поселений, на наш взгляд, можно вообще прекратить. На новых дешифровках хорошо видно, что, если в структуре поселений действительно фиксируется реализация двух разных пространственно-архитектурных решений – кольцевого или линейного расположения жилищ, – то форма поселений свободно варьируется от относительно правильной до практически аморфной (рис. 2).

Вероятно, основными факторами, определявшими внешнюю форму каждого конкретного поселения, были принцип организации жилищного блока (кольцевой или линейный) и микротопографические особенности местности. Так что синташтинские поселения не являются «огромными геометрическими символами, встроенными древними людьми в пространство степи» [69, с. 30], как это писал, в том числе и сам автор, несколько лет назад.

VI. «ПРОТОГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ

В работах Г.Б. Здановича культура Аркаима и других памятников синташтинского типа неоднократно именуется «протогородской цивилизацией». По его мнению «протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья – это «супер-» и «метакультурный» (с точки зрения категории археологической культуры) феномен, являющийся составной частью динамической системы «культурной непрерывности» степного мира эпохи бронзы» [36, с. 50].

Мы полагаем, что данный вывод не вполне соотносится с реальным археологическим материалом. Прежде всего, определение синташтинских поселений как протогородов не является корректным. Эти памятники представляют собой крупные, хорошо организованные поселки. Наличие в их структуре относительно четкого геометризма не имеет отношения к процессам урбанизации, и является характерной особенностью, проявляющейся в принципах организации пространства у многих обществ, находящихся на догородской стадии развития.

В плане общей интерпретации синташтинских памятников мы считаем наиболее адекватным вывод Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой, согласно которому «синташтинский феномен представляется наиболее ярким выражением глобального периода трансформаций, мутаций, поиска и приобретения нового опыта, который предшествует... глобальному, длительному периоду стабильности и устойчивости в степной зоне (срубно-алакульская метаобщность). Основное содержание периода трансформаций – освоение широких степных пространств с их ресурсами, широкое внедрение комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства, приобретение опыта оседлого быта» [44, с. 132].

Таким образом, мы считаем возможным рассматривать синташтинский культурный феномен как очень краткий, «взрывной» (в формулировке Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой) этап становления социокультурной системы эпохи поздней бронзы. Именно эта система, представленная в археологических источниках, прежде всего, памятниками срубно-алакульского типа, демонстрирует нам существование культурной модели, находившейся в экологическом равновесии с природными системами Великой Степи.

Большая скученность населения в немногочисленных жилых центрах синташтинского типа, судя по всему, оказалась нерациональной с экологической, а возможно – и санитарно-эпидемической

точки зрения. Окружающий синташтинские поселения степной ландшафт неминуемо должен был эксплуатироваться очень интенсивно, что, вероятно, приводило к его деградации – прежде всего к сведению окрестных лесов, падению продуктивности пастбищ и развитию процессов эрозии в результате перевыпаса, обусловленного высокой концентрацией скота в районе поселений. Впервые, насколько нам известно, об этом написал Д.Г. Зданович: «История «Страны городов» Южного Урала закончилась где-то в 1700-1750 гг. до н.э... Скорее всего, имел место экологический кризис, обусловленный чересчур интенсивной хозяйственной эксплуатацией узких, замкнутых территорий» [38, с. 10].

В результате развития кризисных явлений должно было происходить рассредоточение стад по разнесенным пастбищам что, вероятно, способствовало и рассредоточению населения – вначале на временные пастушьи летовки и зимовки, а позднее – и на постепенно формирующиеся небольшие поселения.

Постоянное проживание нескольких сот человек на крайне ограниченном пространстве синташтинских и раннепетровских «блоковых» поселений обеспечивало условия для стремительного распространения различных инфекций. Данные Г.В. Рыкушиной, проанализировавшей антропологические материалы могильника Кривое Озеро, некрополя синташтинско-петровского поселения Черноречье III, свидетельствуют о том, что все люди, похороненные в раскопанных курганах данного могильника, умерли от аденовирусной инфекции – вероятно, в результате разразившейся эпидемии. В качестве возможной причины данной эпидемии Г.В. Рыкушина называет проживание популяции в новых для нее условиях обитания с более суровым климатом, к которому люди не были физиологически подготовлены [81, с. 359-360].

Таким образом, санитарно-эпидемические проблемы, вызванные скученностью населения, могли многократно усилиться и принять принципиальный характер при проживании мигрировавшего населения, не имевшего иммунитета к региональным инфекциям и, возможно, плохо подготовленного к проживанию в условиях резко континентального климата Зауральской степи.

Большинство современных исследователей сходятся на том, что синташтинская социокультурная модель сформировалась в Зауральской степи под существенным инкультурным влиянием, вполне возможно – в результате миграции населения с западных территорий, из районов катакомбной историко-культурной общности [8, с. 12-17]. В свое время результаты изучения системы синташтинского геометрического орнамента привели автора к аналогичным выводам, при этом в качестве наиболее вероятного источника

формирования синташтинской орнаментальной традиции нами была определена среднедонская катакомбная культура [59]. Вероятно, привнесенные стереотипы поселенческой архитектуры, сформировавшиеся ранее на территории Восточной Европы, а возможно и Передней Азии [14, с. 27-34, рис. 4], и обусловили специфику синташтинских поселений как компактных блоков жилищ – «степных инсул».

Экологические и санитарно-эпидемические проблемы, вызванные высокой концентрацией населения в синташтинских поселениях, вероятнее всего, и привели к стремительной – в течение жизни одного-двух поколений – трансформации культурных стереотипов. На месте поселений с «жилыми блоками», включившими в себя до 60 жилищ, появляются новые поселки, состоящие из нескольких (от 2-3 до 10-15) отдельно стоящих домов. Население широко расселяется по всем степным рекам и лесостепным озерам, и строит на их берегах многочисленные небольшие поселки, обеспечивавшие устойчивое функционирование хозяйства в степной экосистеме. Развивается срубно-алакульский этап существования степных культур, ярким началом которого стал синташтинский культурный феномен.

VII. АРКАИМ В СИСТЕМЕ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Результаты палинологических исследований позволяют следующим образом представить динамику климатических изменений в изучаемом регионе. Конец III тыс. до н.э. и рубеж III-II тыс. до н.э. на территории Зауральской степи соответствует среднему суббореальному периоду (SB_2), который в климатическом отношении является наиболее сухим и жарким на протяжении всего голоцена; данный период определяется как экстремум ксеротермической фазы голоцена. Зауральские ландшафты этого времени представляли собой опустыненные степи и полупустыни, широко распространяются солончаки [52, с. 90; 29, с. 10-11]. Вероятно, в этот период население Зауральской степи было крайне немногочисленным.

В начале II тыс. до н.э. климатические условия на нашей территории становятся более влажными. Во второй трети II тыс. до н.э. здесь начинается поздний суббореальный период (SB_3), продолжавшийся до конца II тыс. до н.э. Полупустынные комплексы растительности сменяются степными и лесостепными. Широко распространяются березовые колки, появляются островные сосновые боры [52, с. 90-91]. Количество осадков в этот период близко современному [85, с. 31] (310-360 мм в год [3, с. 44, табл. 5]).

В конце II тыс. до н.э. происходят изменения в сторону несколько более сухого климата. В растительных комплексах увеличивается значение полыни, количество березовых колков сокращается [52, с. 91-92].

В начале II тыс. до н.э., по мере того, как природные условия в Зауральской степи становились более благоприятными для проживания и ведения скотоводческого хозяйства (в первую очередь в связи с увеличением количества осадков), на нашу территорию начинается переселение населения из Южнорусской степи, вероятно, прежде всего – из районов распространения среднедонской катакомбной культуры. Возможно, при этом происходила ассимиляция немногочисленного местного населения, проживавшего в Зауральской степи в засушливых условиях среднего суббореального периода.

В это время в Зауральской степи формируется социокультурная модель, хозяйственной основой которой является оседлое скотоводство. На первом этапе население, сформировавшееся, в первую очередь, в результате миграции, строит в нашей степи поселки, образованные большими жилыми блоками, известные в археологии как поселения синташтинского и петровского типов. При этом реализуется архитектурная традиция сооружения крупных поселений с замкнутой планировкой, развивавшаяся в Восточной Европе как минимум с эпохи энеолита (трипольская культура). Возможно, универсальность данной архитектурной схемы на территории Зауральской степи в начале II тыс. до н.э. определяется в том числе и тем, что пришлое население, находясь в новом для него природном ландшафте, еще не вполне освоенном культурно и символически и не воспринимаемом в качестве «своего», стремилось сооружать максимально замкнутые жилые комплексы.

Данная архитектурная тенденция могла иметь, в том числе, и другие причины, в частности, связанные с культурными трансформациями, происходившими в тот период на обширных пространствах Восточно-Европейских степей. В любом случае сооружение замкнутых жилых комплексов в Зауральской степи едва ли было связано с решением фортификационных задач, поскольку археологических следов сколько-нибудь интенсивных военных действий для этого времени практически не зафиксировано.

В природных условиях Зауральской степи, только еще восстанавливающей почвенно-дерновый слой после крайне засушливого периода конца III тыс. до н.э. – рубежа III-II тыс. до н.э., высокая концентрация населения, занимающегося оседлым скотоводством, неминуемо приводила к перевыпасу и деградации пастбищ. Мы полагаем, что именно по этой причине население Зауральской степи

эпохи бронзы достаточно быстро отказывается от строительства крупных поселенческих центров и широко расселяется по берегам рек и озер в ландшафте, уже освоенном им в культурно-символическом аспекте.

VIII. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Большинство археологических памятников эпохи бронзы на территории Зауральской степи датируются в пределах II тыс. до н.э. Основные археологические материалы этого периода относятся к алакульской культуре (включая ранние памятники синташтинского и петровского типов), на многих из них фиксируется сочетание признаков алакульской и срубной культур. Часть археологических источников второй половины II тыс. до н.э. относится к федоровской и черкаскульской археологическим культурам, материалы конца II тыс. до н.э. – к саргаринско-алексеевской культуре.

Поселения эпохи бронзы фиксируются по берегам всех рек и целого ряда озер Зауральской степи. На тщательно обследованных археологическими разведками территориях одно поселение встречается в среднем на два – три километра длины речного русла. Так, в долине реки Бол. Караганки, имеющей общую длину 114 км, разведочными работами полевых отрядов автора и Л.Ю. Петровой в 1997-2000 гг. было обследовано 48 поселений эпохи бронзы, что соответствует в среднем одному поселению на 2,4 км длины речного русла. В долине реки Утяганки, по результатам разведочных работ полевых отрядов автора, Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой, десять поселений эпохи бронзы приходятся на 26 км длины реки, что соответствует в среднем одному поселению на 2,6 км длины речного русла [71].

При этом поселения эпохи бронзы во многих случаях не распределены равномерно в долинах рек, а концентрируются группами по два-три поселения на отдельных участках этих долин. Так, в долине реки Бол. Караганка фиксируется не менее десяти таких групп (поселения Верхнекараганское I и II; Хрустальное I, II и III; Кайрах-та I и II; Черкасы II, III и Крутая гора; Ближний хутор, Александровское I и Александровская плотина; Лисьи горы I, II и III; и т.д.).

В настоящее время мы не знаем, какие из поселений эпохи бронзы существовали одновременно друг с другом. Изучение этого вопроса требует масштабных раскопок с применением предельно надежных методов датирования, позволяющих уверенно определять очень узкие хронологические интервалы. К настоящему времени этим критериям соответствует только дендрохронологическое

датирование, однако дендрохронологическая шкала для Зауральской степи еще не разработана и неясно – будет ли разработана вообще. Фиксируемые нами группы поселений могут свидетельствовать о концентрации в пространстве древних поселков, функционировавших в одно время, однако могут состоять и из разновременных объектов.

Долины большинства рек на территории Зауральской степи, притоков Урала или Тобола, имеют практически одинаковую структуру: неширокую пойму, иногда – пойменную террасу на высоте 0,5-1,0 м над урезом воды, в большинстве случаев – одну надпойменную террасу на высоте 1,5-3,5 м над урезом воды. В некоторых случаях надпойменная терраса не фиксируется, и пойма непосредственно переходит в террасу или склон коренного берега. Как правило, одним своим берегом река «поджимается» к холмам, этот берег более высокий, изредка к воде непосредственно примыкают скалистые уступы и отвесные скальные стены «подрезанных» водой холмов. Другой берег реки, как правило, более пологий, плавно повышающийся к водоразделу. В пойме, рядом с основным руслом, часто фиксируются старицы – обводненные или уже практически затянутые наносным грунтом. Принципиально другой облик имеет только долина реки Урал – она глубоко врезана в коренные породы и образована многоступенчатой структурой из нескольких террас.

Топографическое положение поселений эпохи бронзы в долинах рек подчиняется нескольким достаточно жестким принципам. Поселения располагаются, как правило, на первой надпойменной террасе, в случае ее отсутствия – на коренной террасе или на выположенном склоне коренного берега. Они находятся на расстоянии, как правило, 30-70 метров, и в любом случае не далее 120 метров от современного либо от старичного русла, которое, вероятно, было действующим в период существования поселения. Все поселения эпохи бронзы располагаются на высоте не менее 1,5-2,0 м над урезом воды. Современные паводки на притоках Урала и Тобола достигают высоты 3,0-4,0 м, однако это пиковые значения, фиксирующиеся далеко не каждый год и всегда – на очень краткий период времени. Поэтому, вероятно, поселки эпохи бронзы были практически недоступны паводковым водам, и подтапливались лишь изредка, на очень короткое время (один-два дня). Весенние паводки на реке Урал имеют гораздо большую высоту и продолжительность. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что поселения эпохи бронзы встречаются в долине Урала значительно реже, чем на берегах его притоков.

Судя по всему, при сооружении поселков эпохи бронзы место для строительства выбиралось, в первую очередь, исходя из

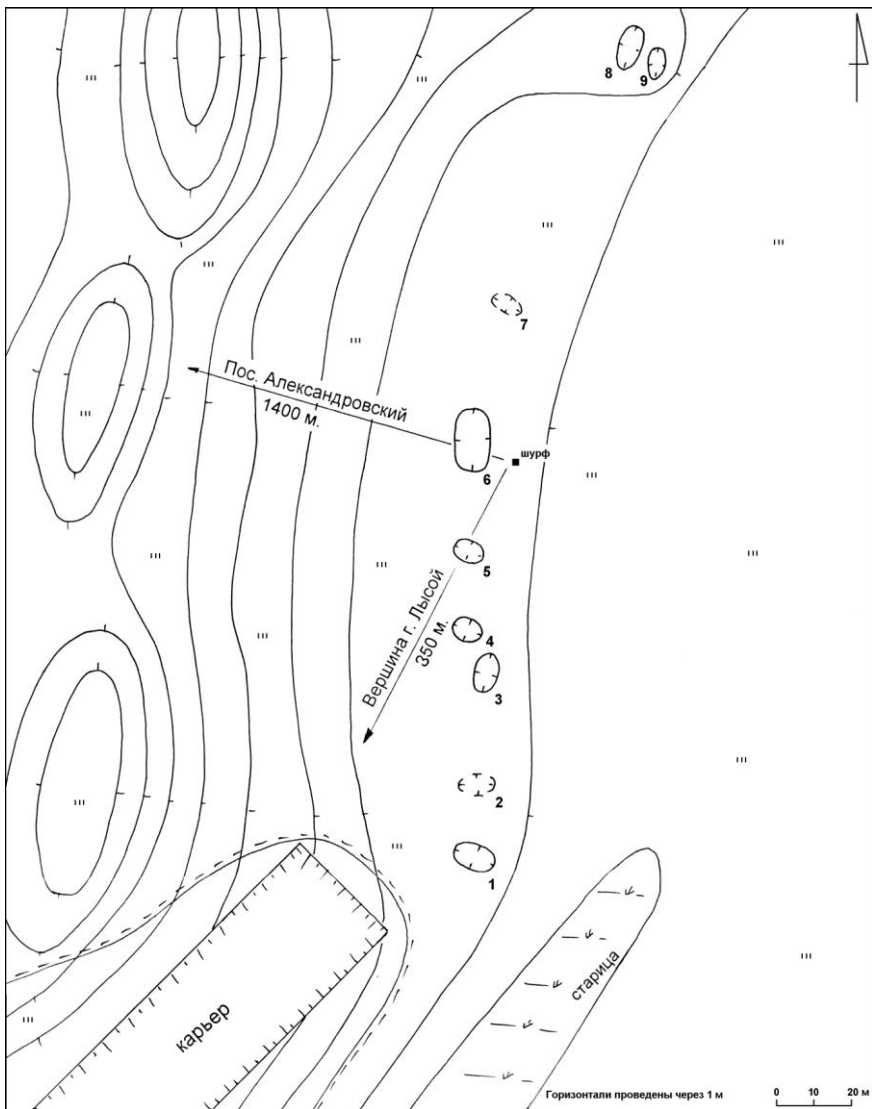

Рис. 3. Аркаимская долина. Поселение Александровское I.
 Типичная планировка зауральского поселения эпохи бронзы: один ряд жилищных впадин между холмами и рекой (старицей).

стремления максимально сократить расстояние от поселка до берега реки, и при этом – соблюсти оптимальную высоту над урезом воды, обеспечивающую определенную безопасность при паводке, но в то же время – не затрудняющую доступ к воде излишне крутыми или высокими спусками. Одновременно решалась задача защитить поселок от сильных зимних ветров естественными возвышениями: холмами и скальными выступами.

Поэтому поселки эпохи бронзы сооружались, как правило, на холмистом берегу реки. Для них выбирались такие участки долины, на которых холмы несколько отступали от реки, образуя «амфитеатры». Здесь, на нешироких участках надпойменных террас, с двух-трех сторон защищенных от ветра поднимающимися холмами, и строились эти поселки. Если холмы отступали от реки далеко, образуя обширный «амфитеатр», поселок располагался на его краю – там, где узкая полоса берега между холмами и рекой лучше защищена поднимающимися непосредственно над ней склонами. В тех случаях, когда на протяжении речной долины длительное время не встречалось удобных «амфитеатров», поселки сооружались у одиночных холмов, на небольших участках террасы или уступах коренного берега между склоном холма и руслом реки (рис. 3).

В целом топографическая схема «река – терраса – холм или гряда холмов» является универсальной для поселков эпохи бронзы. Случаи их размещения на открытых пространствах, не защищенных от ветра, единичны; не зафиксировано ни одного случая расположения поселения на расстоянии выше 120 м от современного либо действовавшего ранее русла реки, ручья или берега озера. На открытых пространствах долин располагаются, как правило, только ранние поселения синташтинского и петровского типа – вероятно, составлявшие их дома, объединенные в блоки и окруженные мощными обводными стенами, не нуждались в защите от ветра так, как более поздние отдельно стоящие жилые постройки.

Для подавляющего большинства поселков эпохи бронзы в Зауральской степи характерно расположение домов в ряд, улицей, параллельно берегу реки или озера. Обычно такую улицу составляли от трех до десяти домов. Немногочисленные крупные поселки, включавшие в себя до двадцати домов, строились в два ряда, параллельных друг другу – их улица оказывалась застроенной домами с двух сторон. Промежуток между домами, как правило, несколько превосходил их ширину и достигал 15-20 м.

IX. ДОМА ЭПОХИ БРОНЗЫ

К настоящему времени на территории степной зоны Челябинской области изучены раскопками жилые конструкции примерно полутора десятков поселений эпохи поздней бронзы: Нижне-Спасское, Мирный II, Мирный III, Мирный IV, Кулевчи III, Берсуат XVIII, Атамановка V, Ильяска I, Лебяжье VI, Черкасы II, Каменный Брод, Синташтинское (верхние строительные горизонты), Малая Березовая IV. На многих из них жилищные конструкции исследованы только частично, целый ряд памятников совершенно не введен в научный оборот. Из опубликованных материалов раскопок последних лет можно обратить особое внимание на поселение Малая Березовая IV, на котором полностью исследованы остатки дома, находящиеся в относительно хорошей сохранности [2, с. 128-129, рис. 1].

Судя по материалам исследований, дома эпохи бронзы, как правило, имели в плане прямоугольную форму. Это были достаточно крупные строения, площадью 100-200 м². Они были углублены в грунт до 0,6-0,8 м. Стены домов имели каркасно-столбовую конструкцию, их основу составляли деревянные столбы, установленные в грунт вдоль краев жилищного котлована. Вход в дом располагался в боковой части одной из торцевых стен [76, с. 163]. К сожалению, состояние изученности археологических памятников не позволяет пока что уверенно реконструировать особенности конструкции стен и крыши домов эпохи бронзы. Однако не вызывает сомнений, что при их сооружении использовались деревянные и грунтовые элементы. Кроме того, стены подсыпались снаружи землей, как правило – перемешанной с золой и бытовым мусором, выгребаемыми из очагов.

В большинстве случаев дома ориентировались торцевыми стенами параллельно направлению улицы. Вход в дом располагался, как правило, в той торцевой стене, которая была ориентирована в сторону реки.

В центральной части домов располагались очаги и хозяйственные ямы, выполнявшие функции погребов. Во всех исследованных синташтинских домах и в некоторых жилых конструкциях более позднего времени обнаружены глубокие ямы, определяемые авторами раскопок как колодцы. Проблема их интерпретации до сих пор окончательно не решена [1]. Гипотезы о ритуальном характере синташтинских колодцев и об их сооружении для обеспечения металлургического процесса посредством постоянного поступления воздуха из колодца в пристроенную к нему металлургическую печь [28] представляются нам не до конца убедительными.

Мы полагаем, что колодцы играли роль источника водоснабжения в зимний период. Судя по палеоклиматическим данным, на протяжении II тыс. до н.э. зимы в Зауральской степи были малоснежными, а реки – маловодными, многие из них пересыхали к концу лета, превращаясь в ряд не связанных водотоком плесов. Зимой неглубокие плесы промерзали до дна. В этих условиях размещение в жилищах колодцев для поддержания водоснабжения в зимнее время представляется вполне вероятным.

Возможно, основной принцип устройства поселков на нешироких площадках под склонами холмов имел не только ветрозащитный смысл, но обеспечивал также их расположение именно в тех местах, где верхний горизонт подземных вод пролегает достаточно близко к поверхности, на глубине не более трех-четырех метров.

Х. ОСЕДЛОЕ СКОТОВОДСТВО В ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ

Основой хозяйства населения эпохи бронзы Зауральской степи являлось скотоводство. Изучение остеологических остатков, полученных при раскопках археологических памятников, позволяет восстановить состав стада. Основные исследования этого вопроса выполнены Л.Л. Гайдученко и П.А. Косинцевым. Поскольку археологическое изучение поселенческих памятников в Зауральской степи последние двадцать лет было сконцентрировано на синташтинских поселениях, данные по этому этапу существенно более многочисленны, чем по всей остальной эпохе бронзы.

Население эпохи бронзы разводило, главным образом, три вида копытных: лошадей, коров и овец. Кроме того, содержалось небольшое количество коз. Поскольку по костным остаткам далеко не всегда можно уверенно отличить овцу от козы, при подведении итогов изучения остеологического материала данные по ним указываются суммарно в графе «мелкий рогатый скот».

Основу стада составляли коровы, вторым по численности, судя по количеству костных остатков, являлся мелкий рогатый скот, и третьим – лошади. На поселенческих памятниках синташтинского этапа кости коровы составляют от 45 до 60 % остеологических находок, кости мелкого рогатого скота – от 25 до 45 %, кости лошади – 10-15 % (определения Л.Л. Гайдученко и П.А. Косинцева по материалам поселений Аланское, Аркаим, Берсуат, Куйсак) [47, с. 42-44; 29, с. 36]. Более поздние поселения дают близкие соотношения: корова – 45-65 %, мелкий рогатый скот – 25-40 %, лошадь – 5-10 % (определения Л.Л. Гайдученко и П.А. Косинцева по материалам поселений Мирный IV, Кулевчи III, Заря XI) [47, с. 42; 66, с. 383-384].

Скотоводство в Зауральской степи в эпоху бронзы имело мясомолочный характер с преобладанием, судя по всему, молочного направления [10, с. 181]. Овца разводилась ради шерсти, а также как быстро возобновляемый мясной ресурс. Лошадь содержалась, главным образом, не ради мяса, а под запряжку и седло. Она активно использовалась в хозяйстве как верховое и тягловое животное [29, с. 36-37].

Палеозоологии по-разному трактуют встречающиеся в культурных слоях поселений эпохи бронзы кости свиньи. П.А. Косинцев полагает, что они принадлежат домашней свинье, разводившейся в очень небольших количествах «в целях использования животных в традиционных обрядах» [47, с. 41]. Л.Л. Гайдученко утверждает, что все они принадлежат дикой свинье, изредка добывавшейся на охоте [29, с. 37]. Вторая позиция представляется нам более обоснованной.

Кроме вышеперечисленных домашних животных на поселениях и в могильниках эпохи бронзы регулярно встречаются кости собаки. Вероятно, собака выполняла в хозяйстве традиционный для скотоводческих культур набор функций: пастушеских, охранных, а возможно – и охотничьих.

Оседлое скотоводство эпохи бронзы носило придомный или придомно-отгонный характер [47, с. 44]. Стада коров и овец, табуны коней паслись на богатых травостоем пастбищах в долинах степных рек. Пастушество являлось одним из основных занятий населения. В зимнее время, скорее всего, скот кормился тебеневкой – добычей корма из-под снега. При этом, вероятно, применялся трехэтапный способ тебеневки, когда первыми на пастбище пускают лошадей, которые, как более сильные животные, относительно легко пробивают наст, разгребают снег и поедают верхние части сухих растений. Вслед за лошадьми пускают коров, а за ними – овец, подпедающих всю оставшуюся траву под корень. Такой тип тебеневки хорошо известен по этнографическим данным и является единственным эффективным способом зимнего содержания на подножном корму стад, имеющих трехчастную структуру (лошади, крупный и мелкий рогатый скот). Необходимо отметить, что тебеневка лошадей продолжает применяться в Зауральской степи вплоть до настоящего времени, мы неоднократно становились ее свидетелями.

Стойловое содержание скота в зимний период, скорее всего, не применялось. Основным затруднением для него является необходимость создания больших запасов сена (не менее 2,0-2,5 тонн на одну корову). Решение этой задачи создает значительные проблемы даже для современного крестьянина, активно применяющего в

сенокосении, уборке и перевозке сена тяжелую технику. Население эпохи бронзы могло использовать для кошения сена только небольшие слабоизогнутые бронзовые серпы. С их помощью можно было заготовить небольшие порции сена, предназначенного для поддержания ослабевших или заболевших животных, а также для подкормки стада в условиях пурги или джута. Однако обеспечить сеном многочисленные стада на весь зимний период с помощью таких орудий невозможно.

До сих пор дискутируется вопрос о существовании земледелия в хозяйстве населения Зауральской степи эпохи бронзы. Так, например, Н.Б. Виноградов пишет: «Достоверные доказательства существования земледельческого сектора в хозяйстве обитателей синташтинских укрепленных поселений отсутствуют» [8, с. 31-32]. Мы полагаем что, определенные основания для этих сомнений есть – так, трактовка серии эрозионных размывов к северо-западу от поселения Аркаим как памятника орошаемого земледелия (так называемый «Аркаимский огород» [34, с. 48-50]) представляется нам ошибочной. Это вывод мы делаем, в том числе, на основании собственного опыта участия в археологических работах на этом объекте в 1995 г.

В то же время, однозначные свидетельства выращивания культурных злаков уже на синташтинском этапе были получены Л.Л. Гайдученко при изучении пищевых пригаров на внутренних стенках сосудов. Он отмечает, что в структуре пригаров регулярно встречаются частицы, полностью соответствующие по своим морфологическим особенностям зернам злаков и реконструирует, в числе приготавливавшихся в сосудах блюд, зерновые каши на молоке и на мясном бульоне. При этом все каши приготавливались из предварительно измельченных (раздробленных) зерен злаков [11, с. 124-125].

По данным Л.Л. Гайдученко, в пищевых пригарах на сосудах эпохи бронзы Зауральской степи достаточно уверенно идентифицируются зерна ячменя и, предположительно, проса (последнее – только для алакульско-федоровского периода) [9, с. 162, табл. 10]. Это позволяет нам говорить о комплексном характере сельского хозяйства этого периода и уверенно отмечать существование земледелия. Об этом же свидетельствуют результаты споропыльцевых анализов, выполненных Ю.А. Лаврушиным и Е.А. Спиридоновой [52, с. 102].

В то же время, вероятно, земледелие не имело широкого масштаба и осуществлялось на весьма ограниченных участках, непосредственно прилегающих к поселкам. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы исследований К. Привата, выполнившего

изотопный палеодиетарный анализ антропологических и остеологических остатков 25-го кургана Большекараганского могильника. По его данным население, оставившее данный могильник, употребляло в пищу много протеина животного происхождения; а растительная пища не играла большой роли в питании. В первую очередь в пищу шло молоко и мясо крупного и мелкого рогатого скота [78, с. 171].

С этими данными, как будто, не вполне согласуются результаты исследований Л.Л. Гайдученко, который, по материалам изучения сосудов из того же могильника, делает вывод о преобладании в составе пригаров растительных зерновых частиц. Разрешая это противоречие, можно предположить, что зерновые каши имели в эпоху бронзы важный семантический статус в погребальном обряде в качестве как поминальной, так и «сопутствующей» умершему пищи.

О второстепенном значении земледелия в хозяйстве свидетельствует и слабая выраженность связанных с ним орудий в вещевых комплексах эпохи бронзы. Немногочисленные слабоизогнутые серпы могли применяться как для жатвы зерновых, так и для создания резервных запасов сена. Часть терочных плит, обнаруженных при раскопках, вероятно, использовалась для дробления зерна, из которого в дальнейшем готовились каши – скорее всего, население Зауральской степи этого времени не изготавливало муку и не выпекало из нее хлеб. Для уверенного ответа на вопрос о точном предназначении каменных макроорудий необходимо проведение широкомасштабных трасологических анализов, которые к настоящему времени практически не выполнялись.

Охотничья деятельность населения эпохи бронзы была весьма разнообразной, однако не имела большого хозяйственного значения. Судя по костным остаткам, в числе объектов охоты были: заяц-беляк, речной бобр, сурок-байбак, волк, лисица, корсак, бурый медведь, барсук, лось, косуля, сайга и некоторые другие виды животных. При этом доля костей диких животных в остеологическом материале с поселений эпохи бронзы не превышает 4 % [47, с. 41-42]. Вероятно, охота имела значение, в первую очередь, для добычи меха и шкур, а также для развития и поддержания навыков обращения с оружием, которые обеспечивали определенную боеспособность общества.

Археологические материалы свидетельствуют также о существовании рыболовства, осуществлявшегося, судя по особенностям найденной чешуи рыб, в теплое время года [29, с. 39]. Не вызывает сомнений, что свою роль в обеспечении населения продуктами питания играл также сбор грибов и ягод, стеблей дикого лука и других съедобных растений.

Хозяйственная деятельность населения эпохи бронзы основывалась на комплексном использовании природного ландшафта Зауральской степи. Дерево разных пород применялось при строительстве домов, изготовлении рукояток различных орудий, луков и стрел, плетения фашин из ветвей; в качестве топлива для очагов и печей. Степное разнотравье являлось пищей для скота; из растений (вероятно, в первую очередь из конопли) делались нити, применявшиеся при витье веревок и изготовлении тканей [12]. Глина активно использовалась в строительстве, из нее изготавливали керамическую посуду (при этом в качестве присадок к глине использовался песок, каменная дресва, толченая керамика (шамот), навоз [16, с. 136-139]). Из минерального сырья изготавливали множество предметов самого разного назначения: наконечники стрел (из кремня, яшмы и кварцитов), молотки (из эпидозитов), терочные плиты (из риолитов и дацитов), абразивы (из песчаников и алевролитов), литейные формы (из тальцитов) и многое другое [21, с. 74-75].

Значительная часть орудий и украшений изготавливалась из металлов – прежде всего из меди и бронзы (применялись оловянистая и мышьяковистая бронзы). При производстве некоторых украшений изредка использовались золото и серебро, известны отдельные находки свинцовых предметов [15]. Медь получали из окисленных руд, в первую очередь – из малахита, добывавшегося на небольших рудниках. В степной зоне Челябинской области раскопками однозначно доказано наличие разработок эпохи бронзы на одном руднике – Воровская яма, расположенном в Кизильском районе [21]. Большинство рудников эпохи бронзы, судя по всему, уничтожены более поздними разработками.

Вероятно, значительная часть орудий и украшений в зауральских поселках изготавливалась из металла, полученного из окисленных руд, добытых в Каргалинских медных рудниках, расположенных к западу от Оренбурга. Крупные горнодобывающие центры ямно-полтавкинского и срубно-алакульского времени, имевшие важное значение для населения обширных пространств Евразии, исследованы здесь под руководством Е.Н. Черныха [89, 90].

Экологическая устойчивость культурной модели эпохи бронзы определялась, прежде всего, тем, что ее хозяйственная практика встраивалась в принципиальную структуру степной экосистемы, а не разрушала ее и не перестраивала в соответствии со своими потребностями.

Скотоводческая модель хозяйства предполагает, что человек вытесняет из некоторых зон обитания диких копытных (сайгу, косулю, тарпана, тура и др.) и заменяет их домашними копытными

(овцами, козами, коровами, лошадьми), замыкая на себя определенную часть пищевых цепей. При этом домашние копытные продолжают выполнять в степном биогеоценозе те же функции консументов первого порядка; численность диких копытных уменьшается, однако падения биоразнообразия не происходит, поскольку в пространстве степи остается достаточно участков для сохранения их популяций, а охотничья деятельность человеческих обществ не имеет тотального характера.

Кроме того, человек несколько видоизменяет степную флору, выращивая культурные злаки (прежде всего – ячмень). Однако поля этих злаков занимают весьма небольшие участки и не оказывают принципиального влияния на структуру растительных сообществ. Практически все природные ресурсы, которые используются населением эпохи бронзы, относятся к категории возобновляемых. Невозобновляемыми являются только минеральные ресурсы, однако темпы их добычи и потребления в то время настолько невелики, что эта «невозобновляемость» имеет чисто теоретический характер.

Таким образом, хозяйственная деятельность населения эпохи бронзы приводила не к падению биоразнообразия степной экосистемы относительно естественного уровня, а к некоторому его росту за счет включения в биогеоценоз новых видов – domesticiрованных животных и культурных растений. Принципиальная модель этой деятельности не приводила к деградации природного ландшафта.

При этом, естественно, такая модель обеспечивала только потенциальную, а не актуальную экологическую устойчивость культурной деятельности. Излишняя концентрация стад и превышение пороговой нагрузки на пастбища неизбежно должны были приводить к перевыпасу, пастбищной дигрессии и развитию эрозионных процессов. Особенно опасными эти процессы могли становиться в поймах рек, когда в результате перевыпаса не только резко падала продуктивность пашен, но исчезали тугайные леса (древесно-кустарниковые заросли по берегам рек), что изменяло гидрологический режим и вызывало резкое ускорение эрозии.

Все это – принципиально возможные «ошибки применения» культурной модели оседлого скотоводства. Мы полагаем, что в определенной мере они были допущены на раннем, синташтинско-петровском этапе эпохи бронзы – как результат излишней концентрации населения в крупных поселенческих комплексах и, соответственно, концентрации стад в непосредственно прилегающих к этим поселениям долинах. Достаточно быстро эти ошибки были исправлены, хозяйственная практика приобрела экологически устойчивый

характер. Об устойчивости культуры эпохи бронзы однозначно свидетельствует факт ее существования в неизменной форме в течение не менее чем 700 лет (на протяжении большей части II тыс. до н.э.).

XI. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО ЭПОХИ БРОНЗЫ

Население Зауральской степи эпохи бронзы относилось к европеоидному антропологическому типу. С точки зрения физической антропологии оно не было вполне однородным – особенно на ранних этапах, когда происходило становление культурной модели эпохи бронзы. Специалисты-антропологи говорят о присутствии в составе синташтинско-петровского населения европеоидов грацильного морфологического типа и европеоидов с экваториальными особенностями [81, с. 345-357]. Результаты исследований погребений срубно-алакульского времени свидетельствуют о том, что в это время у небольшой части населения региона фиксируются признаки уралоидности (несильно выступающий нос и несколько уплощенное лицо) [46, с. 143-144].

По данным Р.У. Линдстрема, у населения, оставившего погребения кургана 25 Большекараганского могильника (Аркаимского некрополя) средний рост мужчин составлял 171,5 см, женщин – 163,3 см. Население отличалось хорошим состоянием здоровья, представители популяции не подвергались сильным физическим перегрузкам и не страдали от голода, их пища была мягкой и содержала много белка. На костях отсутствуют следы насильственной смерти. В двух случаях Р.У. Линдстром зафиксировал следы заживших травм – переломов костей [54, с. 163], что говорит о хорошем уровне медицинских знаний.

По единодушному мнению исследователей, население Зауральской степи эпохи бронзы говорило на одном из языков индоевропейской семьи. Большинство специалистов склоняются к тому, что этот язык относился к индоиранской группе. В некоторых работах это население идентифицируется как арии [28, с. 39], ранее автор настоящей работы поддерживал данный тезис [68, с. 4], однако в настоящее время такое определение представляется нам весьма сомнительным и не имеющим серьезной доказательной базы. Мы полагаем, что более убедительной является точка зрения Д.Г. Здановича, согласно которому зауральская группа индоиранцев не известна по письменным источникам [38, с. 3].

Социальное устройство населения эпохи бронзы, особенно синташтинского этапа, является предметом достаточно интенсивных

дискуссий. Наиболее подробно эта проблема рассматривается в исследованиях Д.Г. Здановича, Е.В. Куприяновой и А.В. Епимахова. В монографии 1997 года Д.Г. Здановичем была обоснована гипотеза о том, что синташтинское общество представляло собой протополис – общину, в структуру которой тесно интегрированы социальные элиты [40, с. 74-78]. В дальнейшем, при переходе к срубно-алакульской культурной модели, по мнению Д.Г. Здановича происходит определенное упрощение социальной модели.

А.В. Епимахов воздерживается от каких-либо окончательных выводов, однако считает возможным рассматривать социальные образования эпохи бронзы через призму понятия комплексного общества и предполагает, что уровень сложности данных социумов в значительной мере был связан с пространственной специализацией образующих его структур [19, с. 137-139]. Последний тезис представляется нам сомнительным, поскольку никаких достоверных свидетельств такой специализации, на наш взгляд, археологические источники Зауральской степи не содержат.

Е.В. Куприянова, развивая ряд теоретических положений Д.Г. Здановича, приходит к выводу о том, что в зауральских культурах эпохи бронзы основой социальной структуры являлась половозрастная стратификация [48, с. 321-327]. Изучение погребального обряда позволяют достаточно обоснованно предположить, что именно особенности половозрастного статуса человека и определяли, в первую очередь, характер его участия в повседневной хозяйственной и ритуальной деятельности.

В целом не вызывает сомнений, что социальная структура степных обществ эпохи бронзы имела эгалитарный характер. Основной социальной единицей была община. Система управления повседневной деятельностью общины имела горизонтальную, а не вертикальную структуру – в терминах теории управления это было синергетическое, а не иерархическое управление. Как известно, при синергетическом управлении воздействие происходит в результате взаимодействия субъектов, а при иерархическом воздействие имеет планомерный характер, цель функционирования системы задается её надсистемой. Мы не фиксируем в Зауральской степи никаких следов существования такой надсистемы внутри изучаемых социумов, которая, как правило, выражается в создании вождеской, царской, в дальнейшем – государственной вертикали власти.

В то же время, в структуре общин эпохи бронзы совершенно определенно существовали и действовали т.н. «элиты»: совершенно определенно – сакральная элита, несущая на себе основную тяжесть ритуальной деятельности; вполне вероятно – военная и производственная элиты (последняя, скорее всего, была связана с

металлургическим производством). Элиты составляли неразрывное единство с самой общиной и формировались, в первую очередь, по половозрастному принципу, что обеспечивало очень высокий уровень социальной мобильности (так, есть веские основания полагать, что подростки играли ключевую роль в деятельности сакральной элиты [49, с. 125]). Собственно, само слово «элита» может использоваться здесь с изрядной долей условности, скорее мы должны говорить о функциональных общественных подсистемах. При этом каждый человек, по мере своего взросления, играл разные социальные роли, это делало его жизнь богатой и разнообразной, а саму общинную систему – устойчивой в своем существовании и воспроизводстве.

Вероятно, совершенно прав А.В. Епимахов, который говорит о том, что «прямые этнографические аналогии обществам эпохи степной бронзы отсутствуют» [19, с. 139]. Мы еще очень далеки от сколько-нибудь подробного понимания особенностей социальной структуры этого времени. Однако мы можем достаточно уверенно полагать, что для общин эпохи бронзы был характерен чрезвычайно высокий уровень горизонтальной межобщинной интеграции социальных структур. Именно эта горизонтальная интеграция обеспечивала культурное единство огромного степного мира, центральный этап существования которого иногда именуется «срубно-алакульской метаобщностью» [44, с. 132]. Общины Зауральской степи входили в этот мир, являясь одним из центральных его звеньев.

XII. РИТУАЛЫ И СИМВОЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Реконструкция образно-символической составляющей степных культур эпохи бронзы – сложнейшая задача, от убедительного решения которой мы пока еще очень далеки. Археологические источники позволяют изучать только выражение образно-символического комплекса культуры в ритуальной и хозяйственной практике – собственно, даже не само выражение, а только его следы, сохранившиеся в археологическом материале.

Все известные нам по историческим и этнографическим свидетельствам традиционные общества степной Евразии воспринимали окружающий их природный мир как совокупность живых, сознательно действующих сил. Ритуал, обращенный к природному ландшафту, представлял собой способ общения человека с этими силами. Данные о совершении таких ритуалов могут быть получены при изучении культовых мест и святилищ. Для предшествующей эпохи

неолита-энеолита на территории Зауральской степи зафиксировано несколько археологических памятников, трактуемых как святилища на вершинах гор [69, с. 84]. Однако для эпохи бронзы на этой территории археологические памятники такого типа не известны. Это свидетельствует о существенных различиях между культурными моделями неолита-энеолита и эпохи бронзы.

В нескольких случаях фрагменты керамики бронзового века были обнаружены при изучении ландшафтных объектов, на которых в эпоху поздних кочевников совершались ритуалы почитания степных духов: в урочище Калмыцкая моельня [64, с. 85-95], у Пугачевского камня в районе села Степное [38, с. 11-12]. Однозначная интерпретация этих находок затруднительна, однако они могут свидетельствовать о совершении обрядов, обращенных к природному ландшафту, уже в эпоху бронзы.

В настоящее время в Зауральской степи известны четыре типа археологических памятников эпохи бронзы: поселения, рудники, могильники и мегалитические сооружения (менгиры, аллеи и комплексы менгиров). Поселения и рудники, как правило, трактуются как бытовые памятники, могильники и мегалиты – как ритуальные. Такая трактовка является, по большому счету, искусственной. В традиционных культурах утилитарная и символическая составляющие были неразрывно связаны, их культурная практика не может быть однозначно разделена на хозяйственную и ритуальную.

Люди традиционных культур жили в мире, который состоял не из материальных объектов и явлений, функционирующих в соответствии с некими универсальными законами природы, а из живых, создающих себя сущностей. Точно также традиционное восприятие не разделяет материальное и духовное так, как это делается в современном западном мышлении. Когда современный исследователь пишет о традиционном почитании природных духов – духов степи, гор, огня и т.п., он зачастую не учитывает, что в архаических традиционных системах дух природного объекта неотделим от самого этого объекта. В этой системе восприятия «дух огня» имманентен самому огню как явлению окружающего мира, «дух» – это онтологический аспект данного явления. Невозможен огонь без духа огня, невозможна река без духа реки, как невозможен и человек без души. Поэтому любое культурное действие является одновременно и хозяйственным и ритуальным – каждое из них представляет собой элемент общения и взаимодействия человека и окружающих его природных сил.

Когда мы отделяем культовую практику традиционной культуры от хозяйственно-бытовой, то исходим из собственного понимания того, какая деятельность имеет, а какая не имеет утилитарного

значения; при этом наше понимание данного вопроса принципиально отличается от того, которое существовало в изучаемых нами культурах. Так, с позиций современного мышления, мы рассматриваем жертвоприношения природным духам как не-утилитарное действие, хотя и можем говорить о присутствии в них определенных утилитарных элементов: от их роли в организации питания и до социального значения жертвенных обрядов для поддержания психологического единства общества и трансляции социокультурных норм подрастающему поколению. Мы не усматриваем прямого утилитарного смысла в этом ритуале, поскольку убеждены в том, что всякая попытка человека вступить в общение с природным ландшафтом не будет иметь никаких значимых последствий – поскольку природные силы не имеют сознания и воли.

Однако общества, убежденные в наличии сознания и воли у природных сил, будут оценивать утилитарную пользу от ритуального общения с ними принципиально иным образом. С их точки зрения правильная ритуальная деятельность приносит вполне реальную хозяйственную пользу, поскольку содействует благоприятному отношению к обществу со стороны природных сил. В этом контексте общением и взаимодействием с природными силами является и любая хозяйственная деятельность: пасти стада на пространстве живой, понимающей и чувствующей степи – значит тоже общаться с этой степью.

Конечно, изучая традиционные культуры в системе современного научного дискурса, мы пользуемся и будем пользоваться понятиями ритуала, культовой практики и т.п. Однако при этом мы должны понимать всю относительность этих терминов, в противном случае мы станем неявным образом навязывать изучаемым культурам несвойственную им систему восприятия мира.

Реконструируемый нами культурный ландшафт Зауральской степи эпохи бронзы структурируется взаиморасположением поселков, менгиров и могильников в степном пространстве. При этом центральными точками данной структуры являются поселки, топографическое положение которых достаточно жестко детерминировано типом хозяйства и образом жизни населения, а также природно-климатическими особенностями региона. Одним из убедительных подтверждений этого является тот факт, что в ходе разведочного обследования долин рек Большая Караганка и Зингейка под развалинами русских хуторов XIX – начала XX вв. нашим полевым отрядом практически во всех случаях были обнаружены культурные слои поселений эпохи бронзы. Русское население, хозяйственная культура которого в ту эпоху была принципиально близка к культуре эпохи бронзы (оседлое скотоводство и земледелие, правда, при

существенно большей роли земледелия, чем в эпоху бронзы) выбирало для строительства своих поселков те же самые места.

Расположение менгиров и могильников определялось, прежде всего, системой восприятия природного ландшафта. Менгиры располагались на окраине поселков, как правило, гипсометрически несколько выше основной жилой площадки. Они представляли собой каменные (чаще всего – гранитные) плиты вытянутой или подпрямоугольной формы, высотой от одного до двух метров над уровнем древней поверхности. Анализ их топографического расположения позволяет предполагать, что менгиры устанавливались у обочины подходящей к поселку дороги. Дважды под раскопанными менгирами были обнаружены захоронения: погребение женщины и двух новорожденных детей (возможно, близнецов) – под менгиром Лисьи горы [69, с. 94-99], и остатки трупосожжения – под Черкасинским менгиром (работы Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой в 2002 г.).

Вероятно, менгиры выполняли в культуре пограничную функцию. Расположенный у дороги, которая является связующим элементом между поселком и окружающим пространством, менгир мог представлять собой символического стража, замыкающего границу и оберегающего жилье.

Сложнее определить культурное значение аллей менгиров. Одни из них располагались на площадках поселений [77] или могильников [56] эпохи бронзы, другие – вдали от любых археологических памятников. К последнему случаю относятся два очень ярких мегалитических объекта – аллеи менгиров в северной части массива горы Чека. Одна из них была исследована нашим полевым отрядом в 2002 г., раскопки второй аллеи проведены в 2009 г. под руководством Е.Л. Поляковой. Полученные немногочисленные находки с обеих аллей менгиров позволяют предположить возможность датировки данных объектов эпохой бронзы. Эти аллеи менгиров могут быть связаны с культурной деятельностью, в частности – с почитанием горы Чека. Однако сколько-нибудь уверенные выводы в этом вопросе сделать пока не представляется возможным.

Единственный масштабно исследованный в Зауральской степи мегалитический комплекс – Ахуново, с кольцевым расположением менгиров и внутренним кольцом деревянных столбов вокруг центрального менгира, был предположительно интерпретирован автором и А.К. Кирилловым как пригоризонтная обсерватория [75, с. 6-7]. Данные объект является одним из немногих относительно надежных свидетельств того, что в культурную практику населения эпохи бронзы входили наблюдения за точными азимутами восходов и заходов Солнца и Луны. Однако уникальность данного комплекса

и остающиеся сомнения в правильности интерпретации заставляют нас оставить его за гранью настоящего исследования.

Могильники эпохи бронзы, как правило, располагаются в речных долинах на относительно ровных площадках коренного берега, гипсометрически выше поселений. В тех случаях, когда можно с достаточным основанием полагать, что могильник был сооружен жителями конкретного поселения, расстояние от него до могильника составляет от 400-500 м до 1,0-1,5 км. Регулярно фиксируется традиция устраивать могильники на противоположном берегу реки относительно поселка (например: могильник Солнце-Талика и поселение Устье; могильник Каменный Амбар и поселение Ольгинское; могильник Большекараганский и поселение Аркаим), что традиционно интерпретируется археологами как обеспечение водной преграды между «миром живых» и «миром мертвых». Однако в некоторых случаях эта закономерность нарушается и поселок оказывается не разделен с могильником какой-либо водной преградой (например, могильник Степное VII и поселение Степное).

Выявление системы взаиморасположения погребальных конструкций на территории могильника часто осложнено наличием на одной площадке разновременных погребальных конструкций. В целом можно говорить о господстве в эпоху бронзы линейной системы взаиморасположения погребальных конструкций – они вытягиваются на площадке могильника в одну или, значительно реже, в две цепочки.

Сами погребальные конструкции эпохи бронзы традиционно называются курганами, однако данное наименование является в определенной мере условным. Крупные многомогильные погребальные комплексы синташтинско-петровского времени, судя по всему, не имели общей курганной насыпи. Наблюдаемые нами в настоящее время всхолмления над этими комплексами образовались в результате разрушения отдельных надмогильных конструкций в пределах ограничивающего погребальный комплекс неглубокого рва [41, с. 26-27]. Более поздние погребальные конструкции эпохи бронзы с большим основанием могут быть названы курганами. Это невысокие земляные насыпи над одной или несколькими могильными ямами.

Не вызывает сомнений высокая семантическая значимость курганов, которые, после завершения комплекса погребальных церемоний, становились важными элементами культурного ландшафта степи. В литературе уже высказывалось предположение о важном значении курганов в культурном освоении природного пространства. По мнению Э.Р. Усмановой и М.И. Скрипниковой «демонстриру

свою принадлежность данному пространству, курган символически утверждал культовую власть предков над ним» [88, с. 220].

Достоверность данного предположения очень сильно зависит от того, каким было восприятие места погребения и самих остатков мертвого человека в культуре населения эпохи бронзы, особенно то, как именно относились к погребению после проведения установленного цикла поминальных действий и завершения самого обряда перехода из нашего мира. Д.Г. Зданович весьма убедительно обосновывает концепцию, согласно которой после разложения мягких тканей мертвого тела погребение приобретало отрицательный сакральный статус. На материале исследования синташтинского погребального обряда он показывает, что очень широко распространенные в эпоху бронзы «ритуальные» ограбления могил, осуществлявшиеся после разложения мягких тканей, но до обрушения погребальной камеры, были направлены, прежде всего, не на изъятие погребального инвентаря, а на нарушение целостности скелета.

Д.Г. Зданович предполагает смысл этих действий в следующем: «считалось, что душа покидала могилу и в могиле осталась лишь некая темная отрицательная субстанция. Ее воплощали в себе костные останки и их, так или иначе, нужно было нарушить» [38, с. 6]. Если это предположение соответствует культурной действительности эпохи бронзы, то могильники должны были восприниматься как ритуально нечистые участки пространства – о чем, может быть, и свидетельствует традиция размещения могильника на противоположном берегу реки относительно поселка.

К сожалению, наше понимание ритуальной практики эпохи бронзы имеет на сегодня очень фрагментарный, в значительной мере – сугубо гипотетический характер. Столь же недостаточным надо признать наше знание о символическом пространстве этой культуры. Мы сознаем ключевое значение геометрической символики в системе культурного кода, но еще очень далеки от полноценной интерпретации ее ключевых символов.

Широчайшее распространение геометрической символики характерно для всех степных культур эпохи бронзы. Развернутые в орнамент эти символы покрывают большинство керамических сосудов, они встречаются на керамических соплах, литейных формах, бронзовом оружии, бронзовых и позолоченных украшениях. Едва ли можно сомневаться, что геометрическая символика покрывала и многие предметы, не дошедшие до нас в силу недолговечности своего материала, и в первую очередь – одежду.

Геометрические символы и орнаменты разных археологических культур Великой Степи имеют выраженную специфику. Во многих

случаях эти культуры и выделялись, в первую очередь, по характеру орнамента на керамике. Однако для всего комплекса культур срубно-алакульской метаобщности характерен комплекс общих признаков геометрических орнаментов и символов.

Чаще всего геометрическая символика встречается в орнаментации керамики, при этом орнаментируется более половины керамических сосудов. Наиболее распространены разного рода зигзаги и треугольники. Орнаменты на керамику наносятся, как правило, с использованием нескольких основных техник: нарезка, плоский штамп, гребенчатый штамп. Способ изображения фигур орнамента в этих культурах также достаточно близок, широко распространены крупные фигуры (треугольники, ромбы), заштрихованные косыми линиями.

Также во всех культурах срубно-алакульской метаобщности прослеживается единство структуры орнаментации керамики. Орнаменты располагаются в горизонтальных поясах, которые занимают определенную зону на поверхности сосуда. Выделяются следующие стандартные зоны орнаментации: шейки, плеча, верхней и нижней частей тулова. Дополнительными зонами являются внутренняя поверхность шейки, срез венчика и дно. В каждой зоне располагается, как правило, не более одной фигуры орнамента. При этом для всех степных культур эпохи бронзы наиболее часто орнаментируется зона плеча. Орнаментальная схема на всем сосуде может быть редуцирована до орнамента только на плече сосуда. Фигуры геометрического орнамента четко подразделяются на фигуры – заполнения зон и фигуры – разделители. К разделителям относятся прямые линии, ряды насечек или ямок, лепные валики [61, с. 97-99].

Для всех степных культур при господстве геометрического орнамента, характерно наличие на керамике отдельных геометрических значков и их групп, не образующих ритмические ряды, особенно часто встречаются свастические знаки.

Все это позволяет нам говорить о существовании в степи общего символического пространства на протяжении II тыс. до н.э.

До сих пор, по большому счету, не решена проблема смысловой интерпретации геометрических символов эпохи бронзы. В научной литературе известны только некоторые гипотезы, позволяющие опрелелить возможные подходы к данной проблеме. Так, автором было выдвинуто предположение, о том, что орнаментация на синташтинских сосудах, а возможно – и на сосудах более поздних археологических культур эпохи бронзы, связана с реализацией универсальной антропоморфной семантической модели [73, с. 161-162].

Исследования структуры орнамента синташтинской керамики [57; 60] позволяют сделать вывод о существовании в зауральской культуре этого времени универсальной модели орнамента и о связи этой модели с традиционными формами сосудов. Вероятнее всего, синтаксическое единство синташтинского геометрического орнамента имеет семантические истоки.

Известно, что во многих индоевропейских культурах сосуд символически сопоставляется с человеческим телом, а разные его части, соответственно – с частями тела. В декоре синташтинских сосудов присутствует один, несомненно, антропоморфный элемент – т.н. «шишечки», расположенные в подавляющем большинстве случаев попарно и всегда – на грани перехода «плеча» сосуда в «тулово» (рис. 4). Характерная форма «шишечек» и их парное расположение не оставляет сомнений, что эти элементы моделируют женскую грудь. Столь же очевидно сугубо символическое значение этих элементов, не имеющих никакого бытового значения.

В орнаментации верхней части «тулова» синташтинских сосудов, непосредственно под зоной «шишечек», широко распространены равнобедренные треугольники вершиной вниз, встречаются вертикально вытянутые ромбы, обведенные в несколько линий, отдельные свастические фигуры и, изредка, свастические орнаменты. Все эти символы в индоевропейской традиции могут быть с разной долей уверенности сопоставлены с идеей женского рождающего начала. Можно предполагать их использование для символического обозначения женского лона.

Геометрические орнаменты «плеча» и «шейки» синташтинских сосудов имеют определенные аналогии в известных нам синташтинских женских украшениях (более очевидные для близкой «синташте» абашевской археологической культуры). Наконец, сама форма синташтинской керамики плавностью и красотой своих изгибов, сочетанием технологически необязательных расширенных и суженных элементов, может быть сопоставлена с формами женского тела.

Все это позволяет выдвинуть предположение о том, что основой семантической модели синташтинского сосуда является образ женщины. Декоративные элементы формы керамики и нанесенные на нее геометрические орнаменты и символы служат выражению этого образа. При этом геометрические элементы не только символизируют женское начало, но и изображают особенности традиционного женского облика – орнаменты на одежде, украшения, возможно – татуировки (аналогичным образом комплексы рисунков на оленных камнях эпохи кочевников, как известно, изображают и символизируют мужчину) [84, с. 72]. Данное предположение соответ-

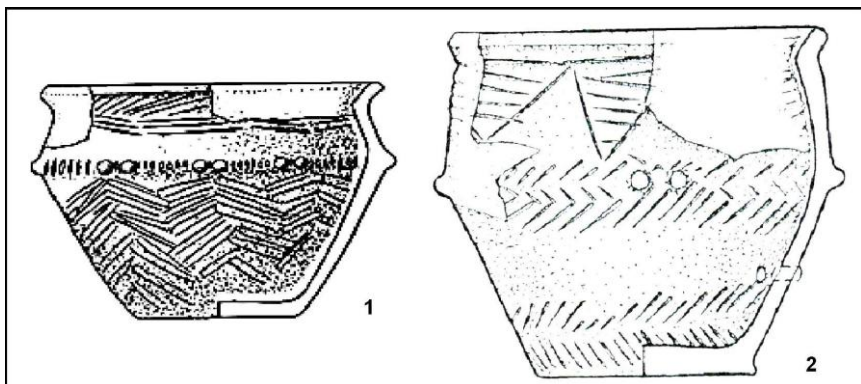

Рис. 4. Синташтинские сосуды с парными шишечками, моделирующими женскую грудь.

1 – Могильник Большекараганский (Аркаим), курган 25 [45, с. 49, рис. 4,4].

2 – Поселение Аландское [34, с. 61, рис. 23].

ствует реконструируемым Е.В. Куприяновой гендерным особенностям синташтинского общества, в первую очередь – высокому статусу женского начала в мифоритуальной сфере [49, с. 119].

Представляется совершенно необходимым интенсивное продолжение работ по изучению геометрических символов эпохи бронзы, необходимы новые попытки их интерпретации, которые могут приблизить нас к пониманию культуры этого времени. Особенно ценными для решения этого вопроса могут быть новые находки, сделанные в последние годы на территории Зауральской степи, в первую очередь – уникальные комплексы женских украшений, покрытых сложными системами геометрических символов, обнаруженные при раскопках могильника Степное VII, расчищенные и отреставрированные Д.Г. Здановичем и Е.В. Куприяновой [50; 51].

Однако при проведении исследований мы не должны одномерно рассматривать символическую систему эпохи бронзы и усматривать культурно значимые символы только в геометрических знаках. Не вызывает сомнений, что свое символическое значение имели все без исключения вещи, создававшиеся в соответствии с существующими в культуре нормами и принципами. Каждая такая вещь имела культурный смысл – ее форма, материал и предназначение представляли собой символ, связанный с предельными основаниями культурной экзистенции; в этом плане и технология и «эстетика древнего человека есть его онтология» [39, с. 9].

XIII. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

На рубеже II-I тыс. до н.э. в Зауральской степи происходит новое изменение природно-климатических условий. Климат становится более влажным, и, возможно, несколько более прохладным; количество атмосферных осадков превышает современные показатели [85, с. 31]. В результате повышается продуктивность степных пастбищ. В то же время увеличение количества осадков в зимний период затрудняло тебеневку – содержание скота зимой на подножном корму, поскольку осложняло добычу корма из-под снега. Вероятно, это послужило одной из причин перехода степного населения к новой модели культуры – кочевому скотоводству, произошедшему в начале I тыс. до н.э. на всем пространстве Великой Степи.

Другой причиной этого процесса – возможно, даже более значимой, становится миграция населения из Центральной Азии на пространство Урало-Казахстанской степи в VIII в. до н.э. Вероятно, миграция была связана с тем, что в Центральной Азии в это время происходит резкая аридизация климата, который становится существенно более сухим и жарким, степи превращаются в полупустыни [86, с. 24-26, 52-56]. Мигранты приносят с собой уже сформировавшуюся модель кочевого ведения хозяйства, и ассимилируют местное население.

С этого времени Зауральская степь входит в социокультурное пространство кочевого мира. В I тыс. до н.э. Евразийскую степь от Венгрии до Монголии населяют народы скифо-сакской культурной общности, значительная часть которых была, судя по всему, ираноязычной. В I тыс. н.э. степь охватывает новая волна миграций из Центральной Азии, происходит распространение тюркоязычных кочевников, в свою очередь ассимилирующих предшествующее ираноязычное население. В конце XII в. – начале XIII в. н.э. с востока на запад прокатывается волна монгольских завоеваний, Зауралье входит в состав улуса Джучи, старшего сына Чингисхана, а в дальнейшем – улуса Шибана, сына Джучи и брата хана Бату.

В середине II тыс. н.э. происходит становление современных степных народов, в Зауралье кочуют ногайские рода, в начале XVII в. – калмыки. К концу XVII – началу XVIII вв. Зауральская степь становится родовыми кочевьями казахов Младшего и Среднего Жузов, родов керей, табын, кипшак, жагалбайлы и жаппас [80, с. 256-259]. История кочевой культуры на территории Зауральской степи завершается в первой половине XIX в., после создания здесь Новолинейного района Оренбургского казачьего войска, вытеснения многих казахов и замены их на русскоязычное казачье население.

На протяжении всех этих почти трех тысячелетий основной степной культуры является кочевое скотоводство, базовым принципом которого является регулярная смена пастбищ посредством передвижения стад в оптимальные для данного времени года районы. Известно два основных способа кочевания – вертикальное, применяемое в предгорных районах (от зимних пастбищ в горных долинах к летним, расположенным на плоскогорьях, и обратно), и меридиональное, широко распространенное на всем пространстве Великой Степи (от зимних пастбищ на юге степи на летние – в северные районы). Зимние пастбища кочевников Урало-Казахстанских степей традиционно располагались в зоне пустынь, полупустынь и предгорий – где незначительный снежный покров создает оптимальные условия для тебеневки скота. Это низовья Амударьи и Сырдарьи, долины рек Талас, Чу, Или, предгорья Каратау, пески Мойынкум. Северные районы, в том числе и Зауральская степь, использовались кочевниками, главным образом, в качестве летних пастбищ – они приходили сюда весной и возвращались обратно осенью [86, с. 64-71].

Летовки кочевников – их временные летние стоянки – практически никак не изменяли рельеф местности, на них не образовывалось существенного культурного слоя, поэтому обнаружить их в ходе археологических работ крайне непросто. До настоящего времени в Зауральской степи такие археологические памятники неизвестны. Свидетельствами этого времени в культурном ландшафте являются могильники – курганы раннего железного века, погребальные и поминальные оградки эпохи поздних кочевников, каменные изваяния – т.н. «каменные бабы», и немногочисленные святилища.

Особенности культуры кочевников реконструируется более уверенно, чем культуры эпохи бронзы. Материалами для ее изучения являются не только археологические источники, но и письменные исторические свидетельства, а для поздних кочевников – также и этнографические данные. Хорошо известны центральные культурные образы восприятия мира тюрко-монгольскими кочевниками – это образы Неба и Земли. Тенгри: Вечное Синее Небо у монголов, Голубое Небо – Крыша Мира у древних тюрков, почиталось как священное начало, Отец всего сущего, открывающее все пути. Земля – Этуген у монголов и Умай у тюрков – представлялась как всеобщее женское начало, Мать всего сущего, всё порождающая и принимающая обратно в свое животворное лоно. Все природные ландшафты воспринимались в этих культурах как живые и священные, зыскующие человеческого внимания и отвечающие ему. Особым вниманием в мифе и ритуале пользовались горы, реки и источники [69]. Есть веские основания полагать, что все эти образы присут-

ствовали уже в степной культуре эпохи бронзы. Небо и Земля – это, собственно, то главное, что есть в степи: земной простор под ногами, небо над головой, и человек – между ними.

XIV. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭПОХИ БРОНЗЫ

Население эпохи бронзы Центральной Евразии близко нам в антропологическом, лингвистическом, хозяйственной, аспектах; не чуждо в этнокультурном плане. Огромный конгломерат культур этого времени раскинулся на всю степную и лесостепную Евразию; прорыв далеко на юг, в зону пустынь и полупустынь, и на север, в лесную зону – главным образом по долинам великих рек и их притоков. Это фатьяновско-балановские культуры, культуры ямно-катакомбного круга (в том числе культура многоваликовой керамики), абашевцы, срубно-алакульский культурный мир, андроновские и андронидные культуры, в финальной бронзе – культуры валиковой керамики.

Их объединяет индоевропейская этнолингвистическая принадлежность, европеоидный облик населения, оседлое комплексное хозяйство с упором на придомное и отгонное скотоводство при наличии земледелия и огородничества. Главное – их объединяет универсальный культурный код, сохранившийся до нашего времени в геометрических символах и орнаментах, покрывающих большинство артефактов этих культур; и в своеобразном обряде погребения умерших, в основе которого – захоронения скорченно на боку (как правило, на левом) – в так называемой позе «младенца в утробе матери», и регулярно появляющийся в культурных и хронологических локусах обряд кремации. Судя по всему, для всех этих культур были характерны единые модели мировосприятия («живой мир»), и социальной организации – сельские общины с интегрированными элитами.

Комплексное хозяйство эпохи бронзы обеспечивало устойчивое существование человеческих обществ в природном ландшафте и не разрушало существующие экосистемы. В основе взаимодействия человека с миром находилось традиционное восприятие: все природные объекты представлялись живыми и сознательными. Природные процессы воспринимались как проявления жизненной сущности и сознательной воли природных объектов, сил и стихий. Течение воды, пляска пламени, кружение звезд, вековое молчание камня – для человека той эпохи все это были проявления жизни.

Само существование в природном мире представлялось как общение человека с природными силами, элементами такого

общения являлись и хозяйственно-бытовые действия, и ритуалы – вместе они составляли единый комплекс культурной практики, и современным исследователям крайне сложно уверенно разделить его на рациональную и иррациональную части – в той системе мировосприятия все эти действия были вполне рациональны.

Общества эпохи бронзы демонстрируют высокую социокультурную интеграцию при отсутствии современных политических институтов. Это был целостный мир, который не требовал формализованных институтов управления.

В современной науке не принято всерьез обсуждать гипотезу о протославянской этнической принадлежности значительной части культурного мира Центральной Евразии эпохи бронзы. Однако, на наш взгляд, гораздо менее убедительны попытки вывести огромный славянский суперэтнос Евразии из каких-то локальных культурных образований Висло-Одерского междуречья.

Естественно, ко второму тысячелетию до н.э. не применимы современные этнолингвистические классификации. Но мы можем достаточно уверенно полагать, что огромный мир оседлого индоевропейского населения эпохи бронзы – это наши предки. Значительная часть современного населения нашей страны (славянского, тюркского, финно-угорского) – несомненно, прямые генетические потомки евразийских народов бронзового века. Столь же несомненно мы являемся прямыми продолжателями их культурной традиции.

Поселение Аркаим – один из ярких, интересных памятников эпохи бронзы. Выполненные на его базе исследования позволяют глубже понять исторические процессы, происходившие в бронзовом веке, и повседневную культуру того времени. Огромный комплекс исследований, осуществленных научным коллективом Историко-культурного заповедника областного значения «Аркаим» с момента его создания в 1994 г. заслуживает высокой оценки и является одной из важных основ современного развития научного знания об истории культур и народов Евразии.

Однако, изучая культуры Зауральской степи эпохи бронзы, и реконструируя особенности функционирующей древних поселений, в том числе и поселения Аркаим, мы должны твердо оставаться на почве археологических фактов и не допускать легковесных интерпретаций, которые подменяют подлинное знание о древности нашими фантазиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаева И.П.* Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Вестник Общества открытых исследований древности. Вып. 1. Челябинск, 2002.
2. *Алаева И.П.* Миниатюрные предметы из материалов поселений бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.
3. *Андреева М.А., Маркова А.С.* География Челябинской области. Челябинск, 2002.
4. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
5. *Баранов Ю.М., Косинская Л.Л.* Методика построения трехмерной виртуальной модели неолитического жилища (по материалам раскопок поселения Быстрый Кульёган 66) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003.
6. *Батанина И.М., Иванова Н.О.* Археологическая карта заповедника Аркаим. История изучения археологических памятников // Аркаим: Исследования Поиски Открытия. Челябинск, 1995.
7. *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
8. *Виноградов Н.Б.* Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва, 2007.
9. *Гайдученко Л.Л.* Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
10. *Гайдученко Л.Л.* Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.
11. *Гайдученко Л.Л., Зданович Д.Г.* Пищевые пригары на сосудах из кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.
12. *Галиуллина М.В.* К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим //

Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

13. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

14. *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.

15. *Григорьев С.А.* Экзотические металлы в эпоху бронзы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.

16. *Гутков А.И.* Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования Поиски Открытия. Челябинск, 1995.

17. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.

18. *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. Челябинск, 2005.

19. *Епимахов А.В.* Понятие социальной комплексности и возможности его применения к археологическим данным бронзового века // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.

20. *Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М.* Воровская яма – новый рудник бронзового века на Южном Урале // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

21. *Зайков В.В., Зданович С.Я.* Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

22. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

23. *Зданович Г.Б.* Городище Аркаим по раскопкам 1987 года. Отчет. Челябинск, 1988.

24. *Зданович Г.Б.* Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Том I. Челябинск, 1989.

25. *Зданович Г.Б.* Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Том II. Челябинск, 1989.

26. *Зданович Г.Б.* Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Том III. Челябинск, 1989.

27. *Зданович Г.Б.* Поселение Аркаим. Раскоп 14. 1989 г. Отчет. Т. II. Челябинск, 1990.

28. *Зданович Г.Б.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования Поиски Открытия. Челябинск, 1995.

29. *Зданович Г.Б.* Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. Челябинск, 2002.

30. *Зданович Г.Б.* Аркаим. «Страна городов». Путеводитель. Челябинск, 2003.

31. *Зданович Г.Б.* Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

32. *Зданович Г.Б.* Аркаим как научный и культурный феномен XX-XXI вв. // Археология в современной культуре России (региональные аспекты). Материалы «круглого стола». Челябинск, 2008.

33. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII-XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования Поиски Открытия. Челябинск, 1995.

34. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007.

35. *Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А.* Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003.

36. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Часть V. Книга 1. Челябинск, 1995.

37. *Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.* Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.

38. *Зданович Д.Г.* Древности на южной границе Санарского бора (рукопись).

39. *Зданович Д.Г.* Искусство вещи // Древности Урало-Казахстанских степей. Каталог выставки. Челябинск, 1991.

40. *Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья. Челябинск, 1997.

41. *Зданович Д.Г.* Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.

42. *Зданович Д.Г., Кириллов А.К.* Курганные памятники Южного Зауралья: археоастрономические аспекты исследования. Челябинск, 2002.

43. *Зданович Д.Г., Кириллов А.К.* Аркаим: археоастрономические исследования и картина мира // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

44. *Зданович Д.Г., Куприянова Е.В.* «Use life» глиняной посуды и динамика стилевых изменений (по поводу публикации материалов кургана 25 Большекараганского могильника) // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.

45. *Кириллов А.К.* «Золотое сечение» в керамике Южного Зауралья эпохи бронзы // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Материалы заседаний «круглого стола». Челябинск, 2005.

46. *Китов Е.П.* Предварительное сообщение по новым краниологическим материалам из могильников срубной культуры Южного Урала // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.

47. *Косинцев П.А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

48. *Куприянова Е.В.* Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // Материалы конференции к столетию периодизации археологических культур В.А. Городцова. Самара, 2000.

49. *Куприянова Е.В.* Миры синташтинской культуры: мужчины, женщины, дети // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

50. *Куприянова Е.В.* Костюм и украшения женщин эпохи бронзы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2005.

51. *Куприянова Е.В.* Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.

52. *Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.

53. *Левит Н.В., Батанина И.М.* Новое на карте «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

54. *Линдстром Р.У.* Антропологическая характеристика популяции кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.

55. *Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика укрепленного поселения Аркаим // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Материалы заседаний «круглого стола». Челябинск, 2005.

56. *Марков С.С.* Песчаная аллея менгиров: к проблеме интерпретации аллей менгиров Южного Зауралья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.

57. *Мочалов О.Д.* О возможной интерпретации орнамента керамики памятников потаповского типа // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Ч. 1. Уфа, 1996.

58. *Нелин Д.В.* Шибаетово I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2.

59. *Петров Ф.Н.* Орнаментация погребальной керамики синташтинской культуры. Дипломная работа. Челябинск, 1997.

60. *Петров Ф.Н.* Геометрические орнаменты и символы древних культур: направления исследований // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Геннинга. Материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург, 1999.

61. *Петров Ф.Н.* Геометрические символы степных культур эпохи бронзы как универсальный язык описания мира // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.

62. *Петров Ф.Н.* Отчет о разведочном обследовании заповедника Аркаим в 1998-1999 гг. Челябинск, 2000.

63. *Петров Ф.Н.* Аварийные работы на поселении Заря XI // Археологические открытия 2000 года. М., 2001.

64. *Петров Ф.Н.* Тюрко-монгольские культы поклонения степным духам на территории Южного Зауралья // Вестник Челябинского университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск, 2002. № 1.

65. *Петров Ф.Н.* Геометрические орнаменты и символы «Страны городов» как универсальный язык описания мира // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

66. *Петров Ф.Н.* Заря XI // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск, 2004.
67. *Петров Ф.Н.* Исследования мегалитических памятников в степном Зауралье // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.
68. *Петров Ф.Н.* Аркаим – Алтай – Монголия: очерки экспедиционных исследований традиционных верований. Челябинск, 2006.
69. *Петров Ф.Н.* Традиционное мировосприятие народов степной Евразии. Челябинск, 2006.
70. *Петров Ф.Н.* Дорога длиною в жизнь... Геннадий Борисович Зданович // Время Степь Дороги... Челябинск, 2007.
71. *Петров Ф.Н.* Заключение о результатах археологического обследования лицензионного участка Амурского цинкового месторождения и его ближайших окрестностей. Челябинск, 2007.
72. *Петров Ф.Н.* Зданович Геннадий Борисович, ученый, археолог, педагог (70 лет со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область – 2008. Челябинск, 2007.
73. *Петров Ф.Н.* Семантическая модель синташтинского сосуда // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.
74. *Петров Ф.Н., Вербовецкий М.Э.* Создание типологии форм сосудов керамического комплекса городища Аркаим. Отчет. Челябинск, 1996.
75. *Петров Ф.Н., Кириллов А.К.* Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 году // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6-7.
76. *Петрова Л.Ю.* Жилища эпохи бронзы Урало-Тобольского междуречья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007.
77. *Полякова Е.Л., Любчанский И.Э.* Аллея менгиров у поселка Симбирка // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004.
78. *Приват К.* Предварительное сообщение о результатах палеодиетарного анализа остатков человека и животных из кургана 25 Большекараганского могильника // Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.

79. Решение Челябинского областного Совета народных депутатов от 21 мая 1992 г. № 34-м «О сохранении памятников протогородской цивилизации бронзового века на территории Челябинской области».

80. *Рыбалко А.А., Новикова О.В.* Этнокультурная и политическая история Южного Зауралья в эпоху средневековья и в Новое время // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

81. *Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

82. *Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Ахтарянова Д.И., Котов В.Г., Минеева И.М.* Исследования Ирландской комплексной археолого-этнографической экспедиции на юге Башкирского Зауралья // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.

83. *Савельев Н.С., Яминов А.Ф.* Улак-1 – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа, 2004.

84. *Савинов Д.Г., Членова Н.Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

85. *Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.

86. *Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007.

87. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск-Самара, 2006.

88. *Усманова Э.Р., Скрипникова М.И.* Курган-храм в контексте погребальной обрядности (по материалам могильника Лисаковский) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003.

89. *Черных Е.Н.* Каргалы – древний горнорудный центр на Южном Урале // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

90. *Черных Е.Н.* Каргалы – забытый мир. М., 1997.

Petrov F.N. The Arkaim settlement in the cultural space of the Bronze age / Supplement to the almanac "The Dubna Heritage". Dubna, 2009. – 64 p.

SUMMARY

The author critically analyzes the concept of Arkaim's role and significance in the ancient society offered by Professor G.B. Zdanovich. As a result the author comes to the conclusion that the period of Arkaim's active functioning included no more than 20-30 years, its population count was around 800-900, and the architecture of the site had no special military function and didn't contain any sacral geometrical shapes.

According to the author, Arkaim and other similar sites of the Sintashta type are major settlements built by the people who had moved to the Trans-Ural steppe from the East European steppe in the beginning of the 2nd millennium B.C. The author thinks that the existence of such major settlements in the Trans-Ural steppe of that period proved to be unjustifiable from the ecological viewpoint due to the continuing period of the environment's recovery after a drought that had lasted from the end of the 3d millennium until the boundary of 3d to 2nd millennium B.C. This soon led to a completely new model of habitation and to the formation of the Srubno-Alakul metacultural society.

On the basis of deep studies directed at a large complex of archaeological and natural sciences data the author defines the main traits of the Bronze age everyday culture in the Trans-Urals steppe and reconstructs this culture as an integral system of stable interaction between man and nature founded on settled cattle breeding as the main form of cultural and economic activities of the contemporary society.

Научное издание

Петров Федор Николаевич

ПОСЕЛЕНИЕ АРКАИМ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ

Приложение к альманаху «Дубненское наследие».
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС1-50717 от 8 декабря 2004 г.

Учредитель:

Дубненский общественный фонд историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие».

Главный редактор: И.Б. Даченков.

Адрес редакции: 141980, г. Дубна Московской области,
ул. Жолио-Кюри, 17-А.

Тел. редакции: (496) 212-90-11. E-mail: fondnasledie@mail.ru.

Адрес сайта: www.nasledie.dubna.ru

Изображения на обложке:

1. Археологические раскопки на поселении Аркаим в 1989 г.
Фото из архивов археологической экспедиции Челябинского государственного университета.
2. Поселение Аркаим. Фрагмент аэрофотоснимка 1978 г.

Подписано в печать 17.08.2009

Формат 60x84/16. Бумага промышленная.

Гарнитура «Агіа». Печать цифровая.

Усл. печ. л. 4,2. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ООО «ЭкспрессТипография»

141980, г. Дубна Московской области, пр. Боголюбова, 26, офис 2

Тел. (496) 212-99-98. E-mail: exti@dubna.ru

Автор книги Федор Петров – кандидат философских наук, участник археологических раскопок семи синташтинских поселений: Аркаима, Синташты, Устья, Ольгинского, Куйсака, Берсуата и Аландского; автор открытия более 50 археологических памятников эпохи бронзы, руководитель раскопок двух поселений и четырех мегалитических памятников этого времени; сотрудник Историко-культурного заповедника «Аркаим» с 1994 по 2008 гг. С марта 2009 г. – исполнительный директор и директор по науке Дубненского общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие».

В книге автор критически анализирует концепцию реконструкции поселения Аркаим, его роли и значения в древнем обществе, предложенную доктором исторических наук Г.Б. Здановичем. На базе изучения большого комплекса археологических и естественнонаучных данных автор определяет основные особенности повседневной культуры Зауральской степи в бронзовом веке, рассматривает эту культуру как целостную систему устойчивого взаимодействия общества и природы, и определяет место и роль поселения Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы.